

18+

Сергей Грузер

БЕГУЩАЯ ВОПРОКИ

ИСТОРИЯ О ЗАВИСИМОСТИ

Сергей Грузер

Бегущая вопреки.

История о зависимости

<https://litres.ru/74306467>

ISBN 9785007086141

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«Бегущая вопреки. История о зависимости» — трилогия о любви, которая стартует как падение. Сначала это хаос, где близость становится полем битвы. Затем книга вскрывает психологию разрушения через архетипы Юнга и показывает, как из пепла собрать себя.

Книга будет полезна тем, кто запутался в созависимых отношениях, переживает болезненный разрыв или хочет понять природу своей привязанности; психологам, коучам и всем, кто ищет не готовых ответов, а честного зеркала для собственной рефлексии.

Содержание

От автора	5
Том 1. Откровение	10
Предисловие к первому тому	10
Глава 1. Знакомство	13
Глава 2. Первый проект	22
Глава 3. Ремонт	29
Глава 4. Излечение	37
Глава 5. Катенька	47
Глава 6. Сергей	61
Глава 7. Новый год	71
Глава 8. Совместные планы	88
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Бегущая вопреки История о зависимости

Сергей Грузер

© Сергей Грузер, 2026

ISBN 978-5-0070-8614-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Посвящается всем без исключения людям в моей жизни,
которые так или иначе оставили след во мне и
сформировали моё мировоззрение*

От автора

Эта книга родилась не из желания рассказать историю. Она родилась из необходимости понять — почему, пройдя через огонь, воду и медные трубы, два человека продолжают смотреть друг на друга так, будто между ними всё ещё тлеет тот самый первый костёр, от которого когда-то загорелся весь мир.

Я назвал трилогию «Бегущая вопреки». Это название не о скорости. Оно о движении — том, которое невозможно остановить, даже когда кажется, что силы на исходе, а горизонт смыкается с туманом. Бегущая вопреки — это она, женщина, чьё появление на балконе в душный сентябрьский вечер стало для меня началом конца привычной жизни. Бегущая вопреки — это и я сам, человек, который учился бежать не от боли, а к себе, сквозь годы, сквозь алкогольный туман, сквозь крушение надежд и редкие, обжигающие моменты ясности.

«История о зависимости» — второе название не случайно. Зависимость бывает разной: от алкоголя, от другого человека, от собственных иллюзий, от роли жертвы или спасителя. На страницах этой книги вы встретите все её лица. Но главное, что я хотел показать, — это то, что зависимость не приговор. Она может стать школой. Самой жестокой, самой честной, но в конечном счёте — самой освобождающей.

Три тома, которые вы держите в руках (видите на экране или слушаете в аудио формате), — это три стадии одного пути.

Первый том, «Откровение» — это рана, нанесённая без анестезии. Здесь нет рефлексии, нет анализа, нет дистанции. Только события, зафиксированные с той почти клинической точностью, которая возможна, когда человек ещё не понимает, что с ним происходит, но уже чувствует: обратного пути нет. Этот том о том, как мы впускаем в свою жизнь хаос и называем это любовью. О том, как тонем в деталях, теряя из виду целое. И о том, что даже на дне есть проблески — если смотреть достаточно честно.

Второй том, «Психология» — это попытка отстраниться. Взять скальпель и, вместо того чтобы беречь рану, разобрать её на составляющие. Почему женщина после сорока ломает старые связи? Почему мужчина, который боится быть покинутым, становится невидимым? Что стоит за женской дерзостью, которую мы привыкли называть истерикой? Зачем мужчина проверяет женщину, которую любит, и почему так важно не провалиться в эти проверки? Этот том — попытка говорить на языке психологии и архетипов, о том, что на самом деле происходило между нами. Не для того, чтобы обвинить или оправдать, а чтобы понять. Потому что без понимания нет выхода.

Третий том, «Гармония» — это синтез. Том, в котором я не отрицаю хаос, но перестаю быть его частью. Гармония

здесь — не тишина и не покой. Это умение удерживать напряжение между противоположностями, не разрушая себя и не разрушая другого. Это момент, когда мужское и женское, сила и уязвимость, желание обладать и способность отпустить перестают враждовать и начинают танцевать. Этот том о том, как из пепла зависимости может вырасти не новая зависимость, а свобода. Как любовь, пережитая как страдание, может стать любовью как присутствием. И как человек, прошедший через ад собственных теней, может выйти не сломленным, а цельным.

Эти три тома — не инструкция, не руководство по спасению отношений, не сборник мудрых советов. Это карта. Карта, которую я рисовал для себя, шаг за шагом, спотыкаясь, падая, вставая и снова двигаясь вперёд. Если кто-то, читая эти строки, узнает в них себя — знайте: вы не одни. Если моя честность поможет вам быть честными с собой — я буду считать, что эта книга исполнила своё предназначение.

Мы часто говорим, что зависимость — это слабость. Но я понял другое: пройти через зависимость и не сломаться — это путь, требующий мужества, которого не видно со стороны. Пройти через любовь, которая разрушает, и выйти из неё с открытым сердцем — это не про слабость. Это про то, чтобы перестать убегать от себя и наконец встретиться с тем, кем ты становишься, когда все маски сброшены.

«Бегущая вопреки» — это история о том, как мы бежим: от себя, к себе, от боли, к боли, от любви, к любви. И о том,

что однажды, возможно, мы перестанем бежать. Остановимся. Выдохнем. И поймём, что гармония — это не точка на карте, куда надо успеть. Это сам способ идти.

Сергей Грузер

ОТКРОВЕНИЕ

ТОМ 1

Том 1. Откровение

Предисловие к первому тому

Первый том — это погружение. Без спасательного круга, без карты, без обещания, что в конце будет свет. Я просто начал записывать то, что происходило, день за днём, почти не редактируя, не пытаясь причесать хаос.

Здесь нет аналитики. Нет выводов. Есть только события — такие, какими они были. Знакомство на балконе в душный сентябрьский вечер. Ремонт, который превратился в перестройку всей жизни. Алкоголь, стирающий границы между ночью и утром. Поездки, измены, попытки спасти то, что, возможно, не должно было быть спасено.

Я не пытался быть красивым в этой книге. Я пытался быть честным. Честным в том, как зависимость перекраивает личность. Честным в том, как любовь может быть не спасением, а самой глубокой ловушкой. Честным в том, что даже на дне есть проблески — если смотреть достаточно пристально.

«Откровение» — это не ответы. Это вопросы, застывшие в моменте. Это попытка удержать историю, пока она ещё не превратилась в миф. Потому что, когда боль стихает, мы склонны переписывать прошлое. Я не хотел переписывать. Я хотел запомнить.

Если вы откроете этот том, будьте готовы: здесь нет морали, нет наставлений. Есть только одно — то, что случилось. И моё молчаливое обещание себе: не врать.

A close-up portrait of a young woman with long, wavy blonde hair and blue eyes. She is looking directly at the camera with a serious expression. She is holding a lit cigarette in her right hand. She is wearing a white ribbed tank top and a thin necklace. The background is a blurred cityscape at night with warm lights.

ГЛАВА 1.
ЗНАКОМСТВО

Глава 1. Знакомство

*«Случайная встреча — самая неслучайная вещь
на свете»*

Хулио Кортасар

Жаркий, душный сентябрьский полдень опустился на столичную высотку в Минске, словно тяжёлое одеяло, пропитанное пылью и городским гулом. В одной из квартир, на треснувшем диване, расположились двое приятелей — Сергей и Дима. Перед ними, на маленьком столике на колёсиках, царил беспорядок: недоеденные закуски, стаканы с остывшим квасом и початая бутылка водки, будто брошенная посреди битвы.

Над головой, из стены, торчал проектор — его луч резал полумрак, а из динамика доносился трагичный голос покойного Градского. В двух метрах от сидящих на опущенном из потолка киноэкране корчился и сам артист.

— Может, пойдём покурим? — хрипло предложил Сергей, отводя взгляд от экрана.

— Пойдём, — кивнул Дима, отрываясь от бутылки. — Только следующую песню ставлю я.

— Договорились, — согласился Сергей.

Дима, хоть и не курил в жизни ни разу, неизменно составлял Сергею компанию в этих вылазках — сегодня он был гостем в его квартире. Натянув стоптанные тапки с тривиаль-

ной надписью «Ноте», приятели, пошатываясь после двухнедельного запоя, двинулись к общему балкону.

Современные новостройки Минска строились по стандартному шаблону: жилые квартиры выходили в узкий тамбур, откуда одна дверь вела к лифтовому холлу, а вторая — на балкон. Балкон же соединялся с пожарной лестницей — ею пользовались лишь редкие энтузиасты ЗОЖ.

На балконе Сергей, затянувшись сигаретой, пустился в длинный рассказ о том, как отец, во время начала событий февраля 2022 года, пришёл к нему с увещеваниями: «Это ненадолго, хватит пить, займись делом!» Сергей возражал: «Отец ничего не понимает — это на годы...»

Внезапно дверь из тамбура, ведущего к пожарной лестнице, отворилась и оттуда вывалилась пьяная бабёха — её движения были резкими, как взмахи сломанного маятника. Она уверено прошуровала в тамбур, но через минуту вернулась и, заметив Сергея и Диму, спросила:

— Какой это этаж?

— Пятый, — ответил Сергей.

— А где шестой?

— Выше.

— Понятно, — буркнула она и исчезла за дверью.

Ребята молча пожали плечами. Прошло ещё пару минут и дверь вновь отворилась. Всё та же мамзель плюхнулась на каменную плитку балкона, уткнулась в угол, где стояло ведро для окурков и начала без стеснения плевать. Ребята, ото-

ропев такой картины, на секундочку растерялись.

— Девушка, вы откуда? — обратился к ней Сергей.

— Не знаю, — не переставая блевать, пробурчала она.

— А где вы живёте?

— Мне надо на шестой...

Сергей, проживший в этом доме десять лет, никогда прежде не видел эту барышню. Он знал соседа Илью с шестого этажа — ни его жена, ни знакомые не были похожи на эту особу. Чувствуя неловкость, но не желая оставлять её одну в таком состоянии, он с Димой втащил бедняжку в квартиру и уложил на тот же треснувший диван. Полчаса попыток привести её в чувство дали немного: выяснилось, что она гуляла у подруги на шестом этаже. Сергей нашёл в её айфоне последний набранный номер — женский голос подтвердил: «Шестой этаж, но не первый подъезд, а второй».

Оставлять незнакомку у себя не хотелось — это нарушило бы хрупкую идиллию запоя с Димой. Сергей, недолго размышляя, подхватил женщину под мышку и потащил в соседний подъезд. Узнав номер квартиры по телефону, он позвонил в звонок. Дверь открыла приятная слегка подвыпившая девушка — она пригласила их войти. Вместе они перетаскивали пострадавшую от «зелёного змия» на кровать.

Отдыхавшись после незапланированных усилий, Сергей огляделся. Коридор, соединявший две комнаты, расширялся у спальни, переходя в кухню. Тёмно-красная мебель и холодильник резко контрастировали с беспорядком: круг-

лый стол был усыпан окурками от стиков, погрызенными фруктами, нарезанным сыром и миской с коробками лекарств. Осколки разбитого бокала усеивали плитку, словно следы невидимого сражения. Хозяйка квартиры обрушилась на Сергея с вопросами: где он нашёл её подругу, зачем притащил? Он подробно изложил историю про балкон, трансфер на диван и уже собирался уходить, как новая знакомая спросила:

— У тебя сигареты есть?

— Дома, — ответил Сергей.

— Тогда пошли к тебе.

Сентябрьский день уже перестал быть томным. И это новое знакомство показалось Сергею интересным. Они отправились к нему, предварительно убедившись в крепком сне спасённой подруги.

Во время пути к себе домой Сергей наконец-то смог рассмотреть болтливую девушку. Катя (а её, кстати, звали именно так) была одета весьма симпатично: белые кроксы на босую ногу, короткая джинсовая мини-юбка «Parosh» леопардового цвета и белоснежно-белый трикотажный топ, из-под которого ярко торчали набухшие соски небольшой красивой груди второго размера.

Когда Катя и Сергей вошли в квартиру, Дима, всё ещё восседавший на треснувшем диване, выпучил глаза:

— Ты же должен был её отвести домой!

— Это другая, — усмехнулся Сергей. — Она покурить

пришла.

— А пойдёте с нами! — вдруг предложила Катя, сверкая улыбкой.

Троица вышла на балкон. Сергей и Катя закурили, а Дима, не куривший, неловко топтался рядом. Катя, словно вихрь, обрушилась на Диму с вопросами о его личной жизни. Выяснилось, что в свои 43 года он ни разу не встречался с женщиной — эта новость потрясла Катю. Недолго думая, она сорвала майку, швырнула её через перила балкона и, дерзко глядя на Диму, спросила:

— Хочешь потрогать?

Дима, багровея, протянул руку — и пальцы его коснулись тёплой кожи.

— Нравится? — прищурилась Катя.

— Очень! — Выдохнул он, не в силах скрыть смущение.

— Тогда пойдём пить, — объявила она. — Только не водку — купите коньяк.

Сергей отправил Диму за коньяком, и выброшенной майкой. Пока тот отсутствовал, он предложил Кате переодеться — она выбрала розовую байку.

Вскоре Дима вернулся с коньяком. Компания уселась на диван и включила музыку. Зазвучали песни Земфиры — Катя вскочила, закружилась, увлекая за собой Сергея и Диму. Вечер превратился в хаотичный, пьяный танец под мерцание неоновых огней за окном. Катя болтала без умолку. Она рассказывала, сколько тратит в месяц («Тысячу долларов! И

это мужчина должен мне давать!»), рассуждала об интимных предпочтениях, не стесняясь откровенных деталей. Её слова хлестали, как пощёчины, но она продолжала, пока Сергей, не выдержав, попросил её замолчать. Бесполезно.

Тем временем Дима, утомлённый шумом, прикорнул на диване. Катя, заметив это, резко потянула Сергея за майку и уволокла в спальню. Там, под аккомпанемент гула города за окном, время растворилось в вихре страсти — торопливом, необузданном, лишённом нежности.

Спустя час Катя, разбудив Сергея, шепнула:

— Пойдём проверим, как там Юля.

Они, наспех одевшись, направились во второй подъезд. Лифт вознёс их на шестой этаж. Катя, внезапно схватив Сергея за воротник, оттолкнула с подоконника цветы и запрыгнула на него. Сергей, боясь, чтобы она не ударилась головой, одной рукой придерживал её, и продолжал движения.

— А у тебя ничего ***, — бросила она, когда всё закончилось, небрежно поправляя одежду.

В квартире Кати Юля всё ещё спала. Они переместились на диван, где повторили «акробатические этюды», прежде чем Сергей, утомлённый, заявил:

— Ну всё, я пошёл.

Вернувшись, он застал Диму, уже очнувшегося и жадно допивавшего остатки водки. Но тут дверь распахнулась — на пороге возникла Катя с бутылкой коньяка в руке. Сентябрьский день, казалось, застыл, растягивая часы в беско-

нечность.

Позже, когда Сергей и Катя вновь уединились в спальне, в дверях возник Дима:

— У нас всё закончилось, надо в магазин.

— Не видишь, я занят? — рывкнул Сергей.

Дима замер, его взгляд упал на тумбочку. Он схватил недопитую бутылку водки и, будто вор, выскользнул из комнаты. Минут через сорок Сергей вышел в гостиную к Диме, и ребята пошли в магазин.

Тем временем Катерина доставала из холодильника различные закуски. Она надкусывала их и, если ей что-то не нравилось, выбрасывала еду в урну. За этим делом её и застали вернувшиеся из магазина друзья.

Вечер сгушался. Сергей решил проводить Катю домой, но выяснилось, что у неё нет ключей, а Юля либо спит, либо исчезла, заперев квартиру. Часы тянулись, пока Сергей и Катя то бродили между подъездами, то сидели на лавочке. Катя, расстроенная, сжимала его руку, а он шептал утешения, чувствуя, как её тревога передаётся ему. В конце концов Сергей предложил ей остаться у него. Утром Катя уехала на работу, а Сергей и Дима продолжили пить.

Вечером Катя, раздобыв у своей мамы запасные ключи, вернулась в свою квартиру — и застыла. Бардак был чудовищным, а деньги из рабочей кассы исчезли. Она принялась убираться, когда вдруг уведомление в Viber выдернуло её из хаоса: Сергей звал в гости. Она зашла, коротко рассказала

о пропаже денег и ушла. Сергей, мучимый бессонницей, перешёл на квас, переписывался с Катей — и в итоге пришёл к ней, чтобы провести вторую ночь вместе.

Утром Катя снова отправилась на работу, Сергей вернулся к себе, засел за компьютер. Дима продолжал пить в гостевой комнате и смотреть на экране свои любимые аниме, каждый час заходя к Сергею в комнату. В конце концов он понял, что это раздражает Сергея, и уехал к себе домой.

Вечером Сергей сделал уборку у себя в квартире, приготовил ужин и пригласил Катю составить ему компанию. Они приятно поужинали, проболтали аж до двух часов ночи. Но в эту ночь спали уже отдельно — каждый в своей квартире, словно оставляя между собой невидимую, хрупкую границу.

A woman with long blonde hair, wearing a vibrant red strapless dress, stands in the center of a film set. She is being styled by two people: a woman in a tan blazer to her left and a man in a dark suit to her right. They are positioned in front of a large green screen. To the left, a clothing rack holds various garments. To the right, a camera on a tripod is visible, with its monitor displaying a live feed of the woman in the red dress. The scene is lit with professional studio lights, creating a cinematic atmosphere.

ГЛАВА 2.
ПЕРВЫЙ
ПРОЕКТ

Глава 2. Первый проект

«Бизнес — это воплощение мечты. Ненавижу тех, для кого это просто деньги»

Рик Рубин

С первых дней знакомства Катя неоднократно звала Сергея в Москву — её голос, звонкий и напористый, словно манил за собой, обещая неведомые горизонты. Вскоре Сергей узнал, что она твёрдо решила открыть бизнес по продаже одежды.

В моде Катя разбиралась виртуозно: она чувствовала сочетания цветов, как музыкант ноты, угадывала силуэты, которые оживут на теле, и различала подделки с лёгкостью эксперта. Но в коммерции зияла брешь: ей не хватало стратегического видения, умения просчитывать риски, выстраивать цепочки поставок. Чтобы компенсировать этот пробел, Катя привлекла Алёну — женщину, занимавшуюся производством корпусной мебели. Та, с её прагматичным взглядом и умением считать копейки, должна была стать надёжным тылом. Сергей же вызвался курировать маркетинг и продвижение — его энергия, казалось, могла оживить даже самый безнадёжный проект.

Тем временем Катя продолжала работать в салоне по продаже дверей, придерживаясь изматывающего графика «2/2», — будто балансировала между двумя мирами: мечтой и ре-

альностью.

И вот настал день, когда подруги отправились в Москву. Их верным спутником стал электромобиль марки BYD, принадлежавший Алёне. Любопытно, что за 2022—2025 годы число таких машин в Беларуси выросло в 538 раз, достигнув 46,8 тысячи — словно сама страна медленно, но верно переходила на новый энергетический лад.

Октябрь 2024 года встретил их неопределённостью. Маршрут не был продуман, а инфраструктура зарядных станций в России вызывала сомнения. Но авантюризм перевесил: подруги приняли приглашение, как будто бросая судьбе дерзкий вызов.

Первые испытания настигли их в Орше — ближайшем к границе районном центре. Здесь, пытаясь полностью зарядить автомобиль, они столкнулись с первыми препятствиями.

Пока Катя мыла голову в общественном туалете на заправке, судьба свела её с местным молодым человеком. Катя, никогда не страдавшая излишней скромностью, без колебаний обратилась к нему за помощью. После нескольких оживлённых диалогов юноша отвёз подруг в свой загородный дом, где семья и друзья шумно отмечали чей-то день рождения. Катя записала видеосообщение для Сергея. В кадре мелькали: отец одного из юношей, наигрывающий мелодии на гитаре; Алёна, кокетливо переговаривающаяся с кем-то за кадром; деревянный стол, ломящийся от угощений; камин, уют-

но пылающий за на заднем плане. Сергей, глядя на это видео, впервые ощутил, как сердце сжимается. Сначала он списал это на тоску по Кате, но позже понял: это было нечто большее — мучительное осознание собственной отстранённости, невозможность быть рядом. Первый звоночек зарождающейся привязанности.

Наутро оршанские знакомые снабдили подруг российскими SIM-картами. Преодолевая трудности с зарядкой и бюрократическими препонами, девушки всё же добрались до Москвы и заселились в отель.

Следующие два дня они провели на рынке «Садовод», закупаая реплики популярных брендов. Катя, с безошибочным чутьём, тщательно проверяла качество тканей, швы, логотипы — словно охотник, выискивающий редкие трофеи. Алёна тем временем скрупулёзно подбирала размеры и контролировала цены, превращая хаос рынка в упорядоченную систему. Вечера подруги коротали в ресторанах, окружённые галантными мужчинами, которые, казалось, появлялись из ниоткуда, очарованные их энергией.

Спустя месяц Катя призналась Сергею:

— Знаешь, тогда я подумывала завести лёгкий романчик, но что-то меня удерживало.

Сергей промолчал, скрывая в себе вихрь невысказанных мыслей.

Пока подруги были в Москве, Сергей погрузился в поиски работы. Он устроился маркетологом в компанию, торгу-

ющую кондиционерами. Коллектив оказался дружелюбным: сплочённые профессионалы, приятные в общении, словно маленький островок стабильности в бурном мире.

Вскоре Катя и Алёна вернулись из Москвы, мучительно размышляя над реализацией товара. Сергей предложил создать веб-сайт и продвигать магазин через Instagram¹, но главная загвоздка возникла неожиданно: ни одна из сторон не могла договориться о названии.

Однажды подружки заявили к Сергею. После сытного ужина с печёнкой он развернул перед ними продуманную концепцию продвижения. Вечер перерос в бурные споры, достигшие апогея, когда Катя, вспыхнув, выбежала на балкон. Сергей сначала утешил некурящую Алёну, а затем последовал за Катей. Постепенно напряжение спадало, и подружки сошлись на названии Stilka.Store. Был разработан логотип, зарегистрирован аккаунт в Instagram². Оставалось лишь создать сайт и наполнить его контентом.

Для фотосъёмки Катя нашла фотографа, мечтавшего поработать с ней. В день съёмки трио — Сергей, Катя и Алёна — прибыло в студию. За пару часов на зелёном фоне были сняты все товары: от спортивных костюмов до соблазнительных пижам, от вечерних платьев до повседневных юбок.

¹ *Instagram принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории Российской Федерации.

² *Instagram принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории Российской Федерации.

Параллельно Сергей снимал видео, планируя позже смонтировать закулисный ролик, который оживит атмосферу фотосессии.

Но время шло, а энтузиазм девушек угасал. Алёна настаивала на создании шоурума в одной из комнат Катиного жилья, тогда как Катя вязла в болоте бухгалтерии, налогообложения и распределения прибыли. Сергей, в свою очередь, откладывал работу над сайтом, не получая чётких указаний. Конфликт между девушками достиг апогея. Катя обратилась к Сергею в поисках поддержки.

— Так, а зачем тебе эта Алёна? — Спросил он.

— Ты не понимаешь: она мне нужна, чтобы сделать новый шкаф, — ответила Катя.

— Ну, как знаешь, дело твоё. Но я бы не стал вести бизнес с тем, кто умеет вести дела только «по-белорусски», — заметил Сергей.

В конечном счёте партнёрши просто разделили товар, оставшись в глухой обиде друг на друга. Сергею вновь пришлось выступать посредником, выслушивая эмоциональные упрёки обеих сторон. Примечательно, что Алёна тогда заявила:

— Если ты хочешь её спасти — твоё право.

Она оставалась в неведении относительно истинных отношений Сергея и Кати, словно невидимая завеса скрывала от неё правду.

Вскоре Катя вновь появилась у Сергея — заплаканная,

растерянная. Этот бизнес был для неё не просто идеей: он воплощал мечту доказать себе, что она способна добиться успеха самостоятельно. Когда-то она жила в роскоши — в квартире с мраморными полами, под крылом состоятельного мужа, — но теперь попытка организовать дело обернулась крахом. Катя не понимала, почему ей неизменно попадаются ненадёжные партнёры.

Сергей постарался её утешить: накормил ужином, слушал её сбивчивые признания, а потом они отправились спать. В тишине квартиры, где время будто остановилось, он чувствовал, как её боль становится и его болью — и впервые задумался, насколько глубоко укоренилась в нём эта странная, горькая нежность.

ГЛАВА 3.

РЕМОНТ

Глава 3. Ремонт

«Все люди судят о нас по нашей наружности и манерам и только немногие — по нашим душевным качествам»

Филип Честерфилд

Одним октябрьским вечером Катерина, стоя посреди своей спальни, словно полководец перед неизведанной территорией, решила устроить эксперимент — перекрасить стену. Её глаза горели азартом, будто сама идея перемен была сродни вызову.

— Как думаешь, Сергей, что мне понадобится? — спросила она, обводя взглядом стену, будто оценивая крепость вражеских укреплений.

— Для начала отодрать обои, потом отшпаклевать стену, потом покрасить, — сдержанно ответил Сергей, не подозревая, куда заведут их эти слова.

— А давай попробуем! — воскликнула Катя, и в её голосе звенел вызов.

Они накинулись на стену с таким рвением, будто срывали не бумажные полосы, а цепи, сковывающие душу. Но вскоре энтузиазм перерос в безумие: пара, словно подхваченная ураганом, перешла ко второй стене, затем к третьей. Комната превратилась в поле хаотичной битвы — клочья обоев валялись на полу, как обломки поверженных крепостей.

— Будем перекрашивать всю комнату! — провозгласила Катя, смеясь, будто только что выиграла сражение.

Их веселье, необузданное и искреннее, требовало праздника. Они отправились в магазин, набрали алкоголя и переместились в квартиру Сергея — отмечать внезапный бунт против обыденности.

На следующий день, словно закалённые в бою, они поехали в строительный магазин за шпаклёвкой. Сергей, вооружившись колонками, принёс их в Катину квартиру. Включив ставшую их гимном песню Земфиры «Хочешь», он принялся зачищать стены — движения его были точными, почти ритуальными. Тем временем Катя, которую Сергей теперь ласково именовал «Катюней», колдовала на кухне. Аромат макарон в сливочном соусе с морепродуктами разливался по квартире, как обещание уюта. Она позвала Сергея к столу — тот, отложив шпатель, попробовал блюдо и искренне восхитился:

— Это очень вкусно!

— Да ладно, я сама уже никому не готовлю, — отмахнулась Катя, но в её глазах мелькнула тень. — Вот когда я была замужем... — Её взгляд затуманился, словно она вновь оказалась в прошлом. — Тогда я готовила каждому своё: мужу — одно, сыну — другое, себе — обязательно салат. Ты знаешь, Сергей, я больше никогда не буду готовить для других. Я решила жить только для себя, в своё удовольствие.

Сергей, уже знакомый с историей её тринадцатилетнего

брака, лишь молча кивнул. Он знал, как глубоко ранят её воспоминания о прежней жизни.

— Кстати, а что ты чувствуешь, когда находишься рядом со мной? — вдруг спросила Катя, нарушая хрупкое молчание.

Он задумался, прежде чем ответить:

— Спокойствие.

— Тогда пойдём к тебе, — улыбнулась она, — здесь слишком пыльно.

Спустя несколько дней Катя заказала у бывшей партнёрши Алёны распили шкаф и предложила Сергею отправиться выбирать мебельные ручки. Он сел за руль её «Мерседеса», и автомобиль, рассекая осеннюю морось, устремился в район «Большое Стиклево». В салоне фурнитуры Алёна, едва завидев Сергея, отвела Катю в сторону и прошептала:

— Зачем ты притащила его сюда? Мне стыдно находиться рядом с ним!

— Он мой друг, — твёрдо ответила Катя, защищаясь.

— Послушай, Катя, — Алёна понизила голос, — посмотри на него: толстый, некрасивый, одет безвкусно. У тебя всегда были достойные, обеспеченные поклонники.

— Он мой друг, — повторила Катя, не отступая.

Алёна обернулась к Сергею, натянуто улыбнулась и процедила:

— Как знаешь.

Когда они вышли из салона, Катя поделилась с Сергеем

сутью разговора.

— Это не её дело, — коротко заключил он, но в тот вечер всё же взялся за бутылку.

Катя, находившаяся в отпуске, вскоре присоединилась к его «алкогольному плаванию». Её планы на медицинские процедуры рассыпались, как песочный замок под ветром.

Однажды к Кате приехала мама.

— Слушай, сходи к моей маме и возьми у неё блинчиков, — попросила Катя. — Нам будет чем закусывать.

— Но я выпил, — возразил Сергей.

— Ничего, она не поймёт. Мама у меня наивная, а вот папа — другое дело. Скажи, что ты мой коллега, и я попросила привезти еду на работу. Только быстро!

Сергей направился во второй подъезд. Снова, как и в первый раз, он постучал в заветную дверь, гадая, что ждёт его внутри. Дверь открыла Ольга Викторовна — невысокая, милая женщина с тёплым взглядом. Вежливо представившись, Сергей изложил просьбу. Ольга Викторовна засыпала его вопросами о дочери, с трогательной гордостью рассказывая, как любит Катю, и как рада её новому «хорошему другу». Сергей отвечал односложно, старательно отворачиваясь, чтобы скрыть запах алкоголя. Через пятнадцать минут он, наконец, покинул квартиру, вооружившись свёртком с блинами.

— М-м-м, мамины блинчики! — Катя впилась зубами в первый кусочек, словно это был трофей.

После перекуса они переместились в спальню. Их тела сливались в объятиях, словно пытаясь стереть границы между «я» и «ты».

— У меня всегда было извращённое желание, чтобы меня сзади трахнул толстый мужик, — прошептала Катя, будто проверяя его реакцию. — Это странно?

— Это нормально, — отозвался Сергей, не прерывая прикосновений, словно слова были лишь фоном к их общему ритму.

Неделя превратилась в вихрь: пьяные вечера, жаркие объятия, сон в переплетении рук. Время размывалось, реальность растворялась в тумане страсти и алкоголя. Они пребывали в своём измерении, где не было ни прошлого, ни будущего — только бесконечное «сейчас».

Но однажды, когда Катя спала тяжёлым, пьяным сном, Сергей остался наедине с пустотой. Одиночество ударило по нему, как холодный ветер, и он, поддавшись порыву, набрал номер Алёны — Катиной подруги. Гнев бушевал в нём: её попытки оценивать его, не зная, кто он на самом деле, казались оскорбительными. Слова лились потоком, пока он не произнёс то, что окончательно разорвало тонкую нить:

— И знаешь... Мне с первого дня нашего знакомства безумно нравилось ***** Катю.

Когда Катя проснулась, она, будто очнувшись от тяжёлого сна, холодно произнесла: «Мне пора домой» — и ушла. Сергей остался один, с болью осознавая, что натворил, но не в

силах вырваться из алкогольного кокона. Он тонул в запойном тумане, не видя выхода.

Тем временем Алёна связалась с Катей и пересказала разговор. Катя, обычно мягкая, взорвалась гневом. Её звонок Сергею был ледяным:

— Ты показал мне, как жить без тревог, как обрести свободу. Но ты — алкоголик, а я не стану связывать себя с зависимым человеком.

Катя отвернулась. Сергей же, утопая в саморазрушении, продолжал пить.

Дни сливались. Одиночество грызло его, как голодный зверь. Однажды он, шатаясь, подошёл к Катиной двери и постучал.

— Я тебе не открою, протрезвей! — донеслось из-за двери.

— Пусти меня, пожалуйста! Я перестану пить, — умолял он, цепляясь за надежду.

— Нет!

Минуты тянулись, как резина. Сергей чувствовал, как отчаяние захлёстывает его. Наконец, он, теряя самообладание, выкрикнул:

— Кстати, сосёшь ты на троечку!

Дверь резко распахнулась. Катя, разъярённая, втащила его внутрь, будто сорвав с петель невидимую преграду.

— Чего ты орёшь на весь этаж?! — прошипела она.

— А чего ты не открываешь? — выдохнул Сергей, вне-

запно ощущая, как напряжение уходит.

Он успокоился. Катя, всё ещё злая, призналась, что отчаянно ищет рабочих для завершения ремонта. Сергей, словно очнувшись, вспомнил о своём бывшем сотруднике Алексее.

— У меня есть человек, — сказал он, набирая номер. — Он приедет завтра.

На следующий день Алексей появился у Кати. Они быстро договорились о ремонте. А Сергей, опустошённый, направился в клинику — навстречу попытке вырваться из алкогольного плена, который поглощал его целиком.

ГЛАВА 4.

ИЗЛЕЧЕНИЕ

Глава 4. Излечение

«Прими своё горе. Именно там будет расти твоя душа»

Карл Юнг

Спустя неделю, словно феникс, встающий из пепла, Сергей вернулся на работу. Его взгляд, прежде рассеянный, как туман над рекой, теперь обрёл твёрдость — будто он сбросил маску беспечности, обнажив сталь воли.

Он подошёл к начальству, и слова прозвучали чётко, как приговор:

— У меня проблема с алкоголем. Я намерен лечиться. Если компания ценит меня — дайте отпуск. Если нет — увольняйте. Но я вернусь после лечения.

Решение обрушилось, как пощёчина: его уволили. Но Сергей принял это с неожиданной лёгкостью — словно тяжёлый груз, который он носил годами, вдруг растворился в воздухе. Он ушёл, чувствуя, как внутри освобождается место для чего-то нового.

Тем временем в Катиной квартире Алексей, преображал стены спальни. Акриловые разводы краски ложились ровными слоями, превращая голую поверхность в холст будущего уюта.

Однажды, когда он наносил последний слой, в дверь постучала Ольга Викторовна — мама Кати. Её глаза загорелись.

лись, будто она увидела не просто окрашенные стены, а обещание новой жизни.

— Алексей, а не могли бы вы сделать ремонт и в гостевой комнате? — попросила она.

Мастер, поколебавшись лишь мгновение, согласился. Работы прибавилось, но в этом хаосе рождался порядок — как метафора перемен, которые вихрем кружились вокруг Кати.

Пока Катя погружалась в рутину, Сергей готовился к новому этапу. Он выбрал психиатрическую клинику в Новинках — место, где можно пройти курс анонимно, чтобы следы лечения не просочились в структуры ГАИ. Конец ноября — середина декабря: дата, которая висела над ним, как неотвратимый горизонт.

За три дня до отъезда Сергей взялся за сборку распила шкафа. Движения его были точными, почти механическими — будто он собирал не мебель, а собственную разрушенную жизнь, скрепляя трещины, затягивая раны. К назначенному дню шкаф был готов: последний аккорд перед тем, как погрузиться в лечебный туман, где, возможно, он заново обретёт себя.

Клиника встретила его стерильным запахом антисептика — запахом безысходности и надежды одновременно. Платная «элитная» палата №3 оказалась четырёхместной клеткой комфорта: мягкие кровати, жалюзи, приглушённый свет. Здесь время текло иначе — медленно, вязко, как мёд. Но внимание Сергея сразу привлёк отец Виктор — экзотиче-

ский обитатель палаты. Священник, проходящий лечение по протекции настоятеля, вызывал смешанные чувства: его искренний, почти детский страх перед кровью казался нелепым, но в то же время обезоруживал. Когда медсестра попыталась взять у него анализ, отец Виктор взвыл так, что сбежался весь этаж. Позже, утирая пот, он жаловался Сергею:

— Они, черти, мою кровь пытаются забрать!

Лечение разворачивалось по нескольким фронтам: трижды в день — горькие, как раскаяние, таблетки; дважды — колючие, как шипы совести, уколы; безликие, как рутина, физиопроцедуры. Но самым ценным для Сергея стали беседы — групповые и индивидуальные. На одном из занятий его поразила табличка, структурирующая все эмоции на пять групп: радость, гнев, страх, грусть, любовь. Сергей, любивший раскладывать всё по полочкам, бережно сфотографировал её — словно карту, ведущую к самому себе, к тайнам, которые он прятал годами.

Изначально он ехал в клинику ради Кати. Надеялся, что исцеление вернёт её, укроет их хрупкий мир от бурь. Но постепенно, слово за словом, сеанс за сеансом, он начал понимать: цель глубже. Это не просто борьба за любовь — это путь к себе, к тому, кем он мог бы стать. Однажды, сидя напротив отца Виктора, он признался:

— Я её очень люблю и боюсь потерять.

Священник неспешно погладил бороду, затем наклонился:

— А чего вы боитесь, Сергей?

— Мне с ней хорошо. Я наконец-то начал жить. Даже не думал, что смогу кого-то полюбить после развода и рака...

Отец Виктор, чуть понизив голос, произнёс:

— Опустит её, брат мой. Если твоя — вернётся. Не вернётся — значит, не была твоей.

Эти слова врезались в память, как нож. А беседы с психотерапевтом лишь укрепили их.

— Зачем вы здесь? — спросила доктор.

— Хочу разобраться в себе, понять причины зависимости. Разложить всё по полочкам.

Доктор, слегка улыбнувшись, заметила:

— Вы самый начитанный из пациентов. Но эмоции не подчиняются логике. Ваша зависимость — раны из детства, которые вы не залечили. Скажите честно: для чего вы здесь?

— Боюсь потерять любимую. Она не хочет быть с алкоголиком.

— Сможете заставить её изменить мнение?

— Наверное, нет.

— А себя изменить?

— Думаю, да.

— Вам будет от этого лучше?

— Точно, да.

— Тогда дерзайте.

Пока Сергей проводил дни в клинике, Катя, вооружённая ключами от его квартиры, обустривалась в его жилище. Но-

чи напролёт они болтали по телефону — их голоса переплетались, как нити в ковре, сплетая иллюзию близости. Днём же Катя исчезала: уезжала на шашлыки с друзьями-хоккеистами, навещала Юлю — той самой Юле из первой главы, которая теперь жила с бывшим мужем Кати, повторяя её собственный путь тернистого смирения перед жестокостью.

К пятнице тоска Сергея достигла пика. Узнав, что в выходные не будет уколов и процедур, он едва сдерживал отчаяние. А тут ещё сломался душ на этаже — последняя капля, прорвавшая плотину терпения.

Сергей подошёл к врачу:

— Можно отлучиться на пару часов?

Доктор, понизив голос:

— Мы не имеем права отпускать вас. Но... если никто не заметит...

С молчаливого согласия отца Виктора Сергей выскользнул из клиники субботним днём, словно тень, ускользающая от света, или как беглец, жаждущий вдохнуть воздух свободы.

Катя, вернувшаяся домой вечером, застыла на пороге, будто натолкнувшись на невидимую стену:

— А я в квартире убралась! — произнесла она, и в голосе её промелькнуло нечто среднее между удивлением и смущённой улыбкой.

— Прекрасно! — отозвался Сергей, словно ничего не произошло. — Полезем в ванну.

И они, смеясь, погрузились в тёплую воду — словно пытаясь смыть не только пыль дней, но и тяжесть прошедших месяцев.

Ещё с момента знакомства Катя, принимая ванну, просила, чтобы Сергей посидел с ней. Она говорила, что так делала её мама: когда Катя ушла от мужа и оказалась в жесточайшей депрессии. Тогда мама сидела рядом, просто разговаривала — и это было единственным спасением от тьмы, поглощавшей её целиком.

Катя и Сергей обожали принимать ванну со скипидаром по Залманову — ритуал, который, казалось, смывал не только телесную усталость, но и тяжесть души. Существовали два вида скипидара: жёлтый и белый. Они различались не только температурой нагрева тела, но и миссией — словно два разных заклинания для восстановления сил. После жёлтого скипидара ванна отмывалась с трудом, но это никого не волновало: в эти минуты они словно перерождались, растворяясь в тёплой, пахучей воде.

После водных процедур пара без сил плюхнулась на кровать. Сергей, опьянённый близостью Кати, позволил себе робкую надежду: трещина в их отношениях начала затягиваться, а её недавняя холодность — лишь тень, брошенная мимолётным облаком. Но утро безжалостно развеяло иллюзии. Катя, глядя сквозь него, холодно произнесла:

— Мы просто друзья.

Слова ударили, как пощёчина, — резко, больно, безоши-

бочно. Сергей сжал зубы, кивнул. Внутри что-то надломилось, но он спрятал осколки глубоко, чтобы они не ранили его ещё сильнее.

Воскресенье он провёл, скрупулёзно выправляя «кантик» — тонкую, идеально ровную линию между стеной и потолком в спальне Кати. Движения были механическими, почти ритуальными: каждый миллиметр, каждый ровный стык — попытка сгладить неровность в собственных чувствах, выстроить порядок там, где царил хаос. Он работал, как автомат, будто вычерчивая карту своей разрушенной души.

Вечером они ужинали — молча, будто чужие. Тарелки скрипели о стол, свет лампы резал глаза, а воздух казался густым, пропитанным невысказанными обидами. Но ночь вновь свела их в постели, и на миг показалось, что лёд растаял: прикосновения были нежными, слова — тёплыми, будто они снова стали теми, кто нашёл друг друга в буре.

Ровно в шесть утра телефон взорвался звонком. Отец Виктор, хриплый от тревоги, прокричал в трубку:

— Срочно приезжай! Медсестра тебя ищет. Я сказал, что ты пошёл курить, но она грозитя выгнать, если не появишься через тридцать минут!

Сергей, натянул одежду, словно солдат, спешащий на передовую. Он рванул в клинику, чувствуя, как сердце колотится в груди. Час спустя он, с каменным лицом, миновал пост медсестры — невозмутимо, будто ничего не произошло, — и покорно отправился на уколы. «Прокатило», —

мелькнуло в голове, но облегчение было горьким, как полынь. Он выиграл битву, но война продолжалась.

Неделя в клинике тянулась, как резина, растягиваясь в бесконечность. Дни сливались в монотонный ритм: горькие, как раскаяние, таблетки; колючие, как шипы совести, уколы; беседы, в которых он, словно археолог, копался в себе, извлекая осколки давно похороненных чувств. Он говорил о детстве, разводе, раке, алкоголе — о том, что годами прятал за маской беспечности.

В пятницу его выписали. Вернувшись домой, он колдовал над ужином для Кати — нарезал овощи, тушил мясо, взбивал соусы, вкладывая в каждое движение тоску последних недель. Блюдо получилось таким, будто он переплавил свою боль во вкус, превратил отчаяние в аромат.

Понедельник принёс неожиданность: его взяли обратно на работу. Коллеги, встречая его, удивлённо качали головами:

— Ты прям помолодел!

Он улыбался, кивал, чувствуя, как внутри что-то медленно, но верно меняется.

Катя, наблюдая за ним, хмыкнула:

— Тобой невозможно управлять.

Сергей лишь улыбнулся — теперь он знал, что свобода дороже цепей.

Ремонт в Катиной квартире продолжался: стены, покрытые свежей краской, казались символами обновления, а каж-

дый вкрученный шуруп напоминал о хрупком равновесии. Вечерами они снова оказывались вместе — болтали, смеялись, иногда ссорились, — балансируя на тонкой грани между дружбой и чем-то большим.

Время текло, как песок сквозь пальцы, а их жизнь — странная, хрупкая, но живая — продолжала сплетаться, как нити в изношенном, но ещё крепком полотне. Каждый новый шов был попыткой залатать прошлое, а каждый новый день — обещанием, что завтра может быть лучше.

ГЛАВА 5.

КАТЕНЬКА

Глава 5. Катенька

«Красота — всегда оружие!»

Коко Шанель.

В 1987 году, в тихом Борисове, на свет появилась девочка — хрупкий росток, которому суждено было превратиться в Катю, женщину, чья судьба сплеталась из осколков потерь, одиночества и внезапного осознания собственной силы.

Детство её прошло не в родном Борисове, а в Жодино — городе, где серые панельные дома, казалось, застыли в вечном ожидании, а туманные утра окутывали улицы дымкой безысходности. Здесь, среди монотонных кварталов, Катя училась выживать, словно растение, пробивающееся сквозь бетон.

Первая серьёзная рана настигла её рано: умер маленький брат. Это событие обрушилось, как удар молота, расколов её мир на «до» и «после». Она часами смотрела на пустой стул за обеденным столом — туда, где ещё вчера сиделся брат, — и чувствовала, как внутри образуется бездонная пропасть. Пустота, глубокая, неизлечимая, будто чёрная дыра, поглощающая свет её души. Возможно, именно тогда зародилась её способность существовать на грани: не позволяя себе горевать открыто, но и не забывая боль, храня её, как тайный шифр.

В школе она была не просто одинока — она была призраком, блуждающим по коридорам, невидимым для сверстников. Девочки смеялись над её неловкими движениями, мальчики проходили мимо, будто её не существовало. Катя часами сидела на подоконнике, прижавшись лбом к холодному стеклу, и мечтала раствориться в сером небе, лишь бы не чувствовать жгучего стыда от собственной невидимости. Её сердце, словно сжатый кулак, хранило обиду, которая позже превратится в броню.

Однажды бабушка, заметив её тоску, отозвала Катю в сторону и произнесла слова, которые навсегда врезались в память, как клеймо:

— Катя, ты не красивая, — сказала она, рубя правду ножом. — Но ты будешь красивой для того, кто тебя действительно полюбит.

Эти слова, вместо того чтобы утешить, разожгли в ней пламя тревоги. Катя начала маниакально следить за своей фигурой: взвешивалась по три раза в день, считала каждую крошку, словно голод мог стать щитом от одиночества. Анорекия подкралась незаметно — сначала как игра, потом как привычка, а затем как безжалостный хозяин, диктующий правила, высасывая из неё жизнь, но оставляя иллюзию контроля.

Годы шли. Бабушка, последняя опора, умерла, оставив Кате в наследство квартиру в Минске — бетонный островок в огромном городе, который казался обещанием новой жиз-

ни, но одновременно пугал своей пустотой.

Минск встретил её шумом, светом неоновых вывесок и свободой, от которой кружилась голова. Катя поступила в институт, но куда больше времени проводила в клубах — там, где музыка глушила внутренние голоса, а алкоголь ненадолго стирал воспоминания, как ластик стирает карандашные линии.

Один из вечеров стал поворотным. В полумраке клуба к ней подсел мужчина. Его взгляд скользил по её фигуре, а голос, низкий и вкрадчивый, предложил сделку:

— Посиди со мной за столиком. Я куплю тебе новый телефон.

Катя, привыкшая к подобным намёкам, сначала колебалась. Но что-то — смесь любопытства и отчаянной смелости, жажда доказать себе, что она чего-то стоит, — заставило её согласиться.

Наутро, когда рынки только просыпались, к клубу подъехал помощник мужчины. В руках он держал коробку с новым телефоном. Катя, принимая подарок, вдруг осознала: «Я могу получать от мужчин всё, что захочу».

Эта мысль обожгла её, как откровение. В ней не было ни гордости, ни презрения — только холодная, расчётливая ясность. Она поняла, что её энергетика, красота и харизма — это оружие, которым можно управлять миром, если научиться правильно его использовать. Так начался новый этап её жизни — этап, где правила диктовала она сама, а мужчины

становились пешками в её игре с судьбой.

Однажды, опустошённая разрывом с очередным мужчиной, Катя, заливаясь слезами, вошла в троллейбус. Мир вокруг казался серым, как бетонная стена, а собственные мысли — острыми осколками, врезающимися в грудь.

Вдруг рядом возник он — незнакомец, который мягко коснулся её плеча:

— Не плачьте. Хотите мороженое?

Он стал её спасителем на несколько месяцев: привозил свежие фрукты с Комаровского рынка, дарил шубы, оплатил ремонт в квартире, преподнёс автомобиль. Даже познакомился с её мамой — и та, к удивлению Кати, расхваливала его, словно он был идеальным кандидатом.

Но он был слишком стар. И Катя, как птица, вырвавшаяся из клетки, сбежала — к другому.

Новый избранник вскружил ей голову искренней, безумной любовью. Но за пылкими словами не было ни денег, ни перспектив. Он осмелился явиться к её отцу и требовать квартиру, словно имел на неё право, — будто Катя была не человеком, а предметом торга. Когда он сломал ноги, её интерес угас, как пламя свечи на ветру. Она ушла, не оглянувшись, оставив его в пустоте, как оставляла многие разбитые мечты.

Следующий поклонник, выходец из интеллигентной семьи, казался надёжным фундаментом для будущего. Дело шло к свадьбе — но судьба вновь вмешалась.

В полутёмном баре, среди стоматологов и бизнесменов, она встретила его — мужчину, чьё предложение «поехать утром в Москву» обожгло её, как искра. Катя согласилась. Вскоре они тайно поженились.

Она мечтала о замужестве, как многие девочки мечтают сбежать от родительского контроля — укрыться за сильным плечом, не осознавая, что так и не научилась стоять на собственных ногах. Такие союзы редко становятся сказками: чаще они превращаются в лабиринты, где женщина блуждает, теряя себя, как путешественник, забывший карту.

Но Катя искренне любила Юрия. Лишь позже она узнала, кем он был на самом деле.

Юрий, когда они встретились, ещё был женат. У него рос сын Арсений. Выросший в нищете, Юрий рано начал работать, а встреча с первой женой стала для него трамплином: он использовал её семейное состояние, чтобы взлететь. Его бизнес, связанный с металлом, расцвёл благодаря связям с высокопоставленными чиновниками. Вскоре он стал монополистом в своей сфере. Чтобы быть с Катей, Юрий поместил первую жену в психиатрическую больницу, забрав у неё сына. Когда Катя узнала об этом, любовь затмила разум: она восприняла это как победу, а не как тревожный звоночек, не заметила, как сама становится частью системы манипуля-

ций.

Позже, родив Юрию сына и назвав его Львом, она продолжала боготворить мужа — даже когда он: не встретил её из роддома, когда пропадал в командировках, оставляя её наедине с пустотой и когда осыпал её дорогими подарками, пытаясь заглушить собственную внутреннюю пустоту, как будто материальные вещи могли заполнить дыру в душе.

Катя, ослеплённая любовью, не замечала, как медленно теряет себя, растворяясь в мире, где она была одновременно королевой и пленницей. Она ставила Юрия на первое место, словно возводила алтарь перед его образом, считая это священным долгом любящей жены. Возможно, в её искажённой системе ценностей это было правильно — но позже эта преданность обернулась кошмаром, разорвавшим её душу на лоскутки.

Их отношения бурлили, как вулкан, — то извергаясь лавой ярости, то застывали в хрупкой иллюзии покоя. Однажды, в порыве гнева, Катя врезалась своей машиной в его, будто пытаясь выразить боль, которую не могла высказать словами.

Юрий, подсевший на наркотики, регулярно обрушивал на неё физические удары — раз за разом, пока она не оказалась у пластического хирурга, где врачи, словно картографы, фиксировали карту его ярости на её теле.

Первый раз она ушла от него, когда их сыну Льву едва исполнилось несколько месяцев. Но родители, движимые

ложным чувством долга, уговорили её вернуться — и позже горько пожалели об этом.

Второй раз она сбежала, когда Льву исполнилось десять. Лето они провели на даче у сестры Кати, питаясь преимущественно драниками — простой пищей, которая казалась символом безыскусной, но искренней жизни. Лев, хрупкий и испуганный мальчик, целиком поддерживал мать: он тоже страшился отцовской агрессии, пряча страх за робкой улыбкой.

Юрий был тем мужем, который: запрещал Кате вести соцсети, словно отрезая её от внешнего мира; не позволял общаться с женой своего компаньона, Олей, будто ревновал её даже к теням прошлого; терзал её душу, превращая любовь в поле битвы. А другой компаньон однажды увез её за город, запер в пустынном доме и изнасиловал. Катя молчала, оберегая бизнес мужа, — словно жертва, которая охраняет клетку, в которой сама же и томится, боясь разрушить хрупкий фасад благополучия.

Юрий пытался загладить вину дорогими подарками: машины, брендовые вещи, украшения. Но даже роскошь, сверкающая, как осколки льда, не могла залечить раны, которые он наносил. Она носила эти дары, как цепи, — тяжёлые, блестящие, но невыносимо гнетущие.

Однажды он предложил ей поехать в загородный дом. Катя отказалась. Вспыхнула ссора. Юрий уехал с сыном, оставив её рыдать в одиночестве. Вечером подруга Оля, жив-

шая по соседству, предложила развеяться. Они отправились в клуб. Вернувшись, Катя застыла: за кухонным столом, лицом к ней, сидел Юрий. Перед ним тикали наручные часы — мерно, неотвратно, как отсчёт её приговора. Рядом стояла почти пустая бутылка коньяка.

Она уже видела эту сцену. Знала, что будет дальше... Избиение длилось больше часа. Кулаки и ноги Юрия оставляли на её теле следы — синяки, ссадины, шрамы, — словно очередную карту, где каждая точка отмечала крушение её веры в любовь. Каким-то чудом она вырвалась из этого ада, прыгнула в машину и умчалась в квартиру матери — туда, где когда-то искала защиту, но теперь нашла лишь эхо старых страхов.

Следующие сутки Катя провела, корчась на кухонной плитке, — боль пульсировала в ней, как чужая жизнь, как напоминание о том, что её тело больше не принадлежит ей. На третий день приехала Оля: принесла алкоголь, вещи и драгоценности, которые заранее вывезла из её квартиры — тайный арсенал, подготовленный на случай бегства.

Катя рыдала, осознавая, что тринадцать лет жизни рассыпались, как песочный замок под безжалостным ветром реальности. Она ходила к психологу, тонула в алкоголе, балансировала на краю пропасти, где каждый шаг мог стать последним.

Юрий продолжал навещать. Он просил прощения, сидел на красном стульчике у двери (специально оставленном

для него), они мирились, занимались любовью — а через час вновь взрывались ссорой. Цикл повторялся, как заезженная пластинка, где каждая царапина на дорожке была шрамом на её душе.

Но постепенно, опираясь на поддержку родителей и кропотливую работу с психологами, Катя начала возрождаться — медленно, как цветок, пробивающийся сквозь асфальт. Она решила попробовать начать заново, шаг за шагом, словно заново училась ходить по разбитым стёклам своего прошлого, осторожно, но неумолимо.

Первая новая сексуальная связь случилась всего через месяц после того, как она покинула Юрия. Случайная, мимолётная, как вспышка света в тёмной комнате, она произошла в квартире подруги Оли, пока та была в отъезде. Катя словно одалживала чужую жизнь, чтобы примерить новую роль — без обязательств, без глубины, лишь проверяя, жива ли ещё её способность чувствовать, не истлела ли душа дотла.

По совету Оли Катя решилась вывести часть средств из петербургского бизнеса Юрия. Формально компания принадлежала ей, и закон был на её стороне — но победа казалась пирровой, будто она отвоёвывала крохи своего достоинства. И там, в дождливом Петербурге, где вода смывала следы прошлого, она встретила мужчину — уравновешенного, внимательного. Между ними завязался роман, но Катя всё ещё балансировала на краю: её сердце оставалось запертым, а душа — в плену старых страхов, как птица, которая научи-

лась летать, но боится распахнуть крылья.

Юрий, словно тень из забытого кошмара, «подлил масла в огонь»: отправил новому ухажёру интимные видео с Катей, будто размазал её душу по экрану, чтобы напомнить, что прошлое не отпускает — оно лишь затаилось, чтобы ударить в спину, когда она меньше всего будет готова.

Однажды, блуждая по Минску, Катя случайно зашла в салон дверей — и осталась там работать. Её харизма, умение слушать и чувствовать клиента превратили её в звезду продаж. Деньги от работы были скромными, но стабильными — как тонкая нить, связывающая её с реальностью, с миром, где она могла быть не жертвой, а творцом своей судьбы. Остальное покрывали многочисленные ухажёры, чьи подарки ненадолго заглушали эхо прошлого, но не могли заполнить пустоту, которая всё ещё жила в её сердце, как незажившая рана.

Среди череды мужчин особенно выделялся Сергей — человек, которого она порой иронично называла «Лысый». Он был состоятелен, владел несколькими бизнесами, но в отношениях с Катей проявлял не столько страсть, сколько отеческую заботу. Их плотский роман длился всего три-четыре месяца, но материальная и эмоциональная поддержка с его стороны тянулась годами — словно он видел в ней не женщину, а потерянную девочку, нуждающуюся в защите, как дочь, которую хочется оберегать от жестокого мира.

Однажды вечером, когда Катя с подругами отправилась в клуб, судьба подбросила ей встречу с молодым человеком.

Пусть он останется для нас NewBalance — по марке кроссовок, которые он носил, будто знак эфемерности их связи. Подруги уехали, а он остался — одинокий, робкий, словно ждал не столько её внимания, сколько разрешения заглянуть в её душу.

Утром, придя на работу, Катя обнаружила шокирующую правду: NewBalance работал реставратором в той же компании! Совпадение казалось насмешкой судьбы — тонкой, горькой шуткой, которая подчёркивала абсурдность её жизни. И всё же этот новый знакомый старался заботиться о ней: дарил цветы, угощал сладостями, приезжал в её офис, где они уединялись в пыльной каморке, пахнувшей старыми документами и невысказанными надеждами. Он купил старенькую, но надёжную BMW — машину, которая, по меркам Кати, была лишь ступенью ниже Mercedes, но всё же удовлетворяла её взыскательный вкус.

Но даже в этой, на первый взгляд, милой истории таился изъян. Однажды, когда Катя встречалась с «Лысым», NewBalance позвонил. Она забыла положить трубку — и он сорок минут слушал шёпот, смех, далёкие отголоски чужой жизни, которые, как нож, резали его сердце. На следующее утро он уволился, не забрав зарплату, — растворился в Москве, оставив Кате лишь эхо недосказанности, как напоминание о том, что даже самые светлые чувства могут разбиться о реальность её мира.

Катя относилась к уходам мужчин с поразительным рав-

нодушием. После Юрия она словно замкнулась в броне безразличия: ни любви, ни целей — только желание «красиво жить», как будто внешняя роскошь могла заменить внутреннюю пустоту. Возможно, в юности она не успела насладиться свободой, а теперь сама свобода стала её клеткой, золотой тюрьмой, где каждый шаг был ограничен невидимыми цепями.

Среди череды лиц она встретила бывшего хоккеиста. Он поразил её: стильно одет, атлетичен, владеет бизнесом по производству тротуарной плитки. Впервые за долгое время Катя поймала себя на мысли: «Может, от него?» — и представила, каково было бы родить нового ребёнка от этого мужчины, словно попытаться начать жизнь с чистого листа, забыв о шрамах прошлого.

Однако история сложилась иначе. Развод с Юрием состоялся лишь через три года после того, как Катя покинула его, — но её отношение к мужчинам и её характер остались неизменными. Хоккеист, ловелас и эгоист, отверг её, не сумев смириться с её эмоциональной бурей, с тем ураганом чувств, который она не могла, да и не хотела укрощать.

Накануне сентябрьского вечера, когда судьба свела её с Сергеем (главным героем нашей истории), хоккеист приехал к ней. Он говорил долго, убеждая измениться, взять себя в руки, — но Катя, уставшая от нравоучений, скинула платье (белья под ним не было) и, смеясь, направилась к подъезду. Его слова повисли в воздухе, как невысказанные упрёки, —

она оставила их висеть, словно обрывки ненужного диалога.

Вечером того же дня ей позвонила Юля — новая жертва побоев от бывшего мужа. Катя, движимая жалостью, забрала её к себе. Они пили, пели, делились обидами — и утро стало точкой отсчёта для новой главы. Той самой, с которой началась первая глава этой книги, — как будто время свернуло петлю, соединив конец одной истории с началом другой, где боль и надежда сплетались, как нити в изношенном, но ещё крепком полотне жизни.

A cinematic still from a film or TV show. A young man and woman are standing in a subway car, facing each other in profile. They are both holding onto vertical metal poles. The man is on the left, wearing a dark jacket over a collared shirt. The woman is on the right, wearing a dark jacket. The background is slightly blurred, showing the interior of the subway car with other passengers and a digital display showing the number 19. The lighting is cool and blue-toned.

ГЛАВА 6.
СЕРГЕЙ

Глава 6. Сергей

*«Одиночество учит сути вещей, ибо суть их
тоже одиночество»*

Иосиф Бродский

Сергей появился на свет в 1985 году в подмосковном городе Железнодорожный, где время, казалось, текло медленнее, чем в суетливой столице, словно замерло в ожидании чего-то неизречённого. Но уже в три года его судьба резко сменила курс: семья переехала в Гомель, на юго-восток Беларуси. Здесь, среди широких улиц и неторопливого ритма жизни, прошли его школьные и первые студенческие годы — годы, которые он позже будет вспоминать как время, когда мир казался одновременно бескрайним и тесным, как клетка.

В школе Сергей был одинок, как путник в бескрайней степи, лишённый воды и ориентиров. Возможно, причина крылась в его происхождении: отец — еврей, мать — русская. Воспитанный бабушками и дедушками, он стеснялся своей двойственной идентичности, будто балансировал между двумя мирами, но не принадлежал ни к одному из них. Он чувствовал себя лоскутком, вложенным в разорванную ткань реальности: ни здесь, ни там.

Ещё глубже Сергея ранила его жестокость одноклассника Стаса — местного хулигана, который регулярно избивал

Сергея. Сергей же, воспитанный по принципу «не навреди», никогда не отвечал ударом на удар. Очки, которые он носил с первого класса, лишь усиливали насмешки, превращая его в мишень для чужой жестокости. Он прятал боль за улыбкой, но внутри него копилась горечь, как осадок на дне давно забытого стакана.

Наибольшую рану душе Сергея нанёс ему собственный отец. Мужчина не наказывал сына за плохие оценки или непослушание — он жестоко избивал его за ложь. Его отец не понимал, что обман Сергея был лишь его отчаянной попыткой защититься: за ложью скрывались глубокий страх, низкая самооценка и неприятие самого себя.

Осознание того, что человек, обязанный оберегать его, калечит его тело и душу, стало для Сергея шрамом на всю жизнь. Иногда, стоя в углу после очередного наказания, он задумывался о самоубийстве. Но образ матери, её слёзы, останавливали его — он не мог допустить, чтобы она страдала из-за его ухода. Мать была для него не просто родителем, а хрупким маяком в бушующем море отчаяния.

Лето 1995 года превратилось для него в личный ад. Пока другие дети катались к бабушкам, купались в реках и играли в футбол, Сергей сидел за учебниками английского языка. Родители решили перевести его из обычного «Б» класса в «А» — с углубленным изучением языка. Всё лето он зубрил модальные глаголы, чувствуя, как его детство ускользает сквозь пальцы, как песок, как будто кто-то безжалостно от-

нимал у него право быть просто мальчишкой.

Переход в «А» класс не принёс облегчения. Он никого там не знал, а попытки вернуться в «Б» класс на перемене встречали лишь холодные взгляды — его больше не принимали. Самооценка рушилась, как карточный домик под порывом ветра. Он стал призраком, блуждающим между двумя мирами, не принадлежащим ни к одному из них.

Лишь в шестом классе судьба подарила ему первого друга — Ивана, одноклассника, с которым завязалась дружба, продолжающаяся до сих пор. Иван стал для Сергея не просто товарищем, а мостом, соединяющим его разорванный внутренний мир с реальностью.

Поворотный момент наступил во время школьных соревнований по творческой самодеятельности. Мальчишки отказались участвовать, и роль предложили Сергею. Он согласился — и вместе с девочками занял первое место в школе, а затем призовое — на городских соревнованиях. Этот успех, словно луч света, растопил лёд отчуждения: с девятого класса их коллектив стал дружнее, парни и девушки начали общаться открыто. Сергей, некогда невидимый, вдруг обрёл голос — и мир, кажется, услышал его.

Высшая школа принесла Сергею КВН. Он погрузился в мир юмора, пройдя путь от рядового участника до автора и директора команды «БАБАц». В 2004 году они стали чемпионами гомельской лиги КВН. Сцена, шутки, аплодисменты — всё это помогло Сергею избавиться от комплексов, обре-

сти уверенность и перестать бояться общения. КВН стал для него не просто хобби. Он стал для него спасением, мостом из одиночества в мир людей, где он наконец-то научился смеяться над собой, не теряя себя.

Первая серьёзная влюблённость настигла его на первом курсе медицинского университета, куда он поступил в 16 лет (в 2002 году). Лариса, директор студенческого клуба, была старше его на десять лет. Их отношения вспыхнули ярко: ночные прогулки, бильярд, пиво, безудержное веселье — всё сливалось в калейдоскоп, где юность Сергея переплеталась с её зрелостью.

Однажды Сергей угнал машину отца, чтобы покатать Ларису, — это был его первый опыт вождения. Через пятьдесят минут он попал в аварию. Отец бушевал, но до рукоприкладства дело не дошло — словно судьба ненадолго отступила, давая ему шанс.

Роман с Ларисой, обречённый с самого начала, завершился драматично: родители Сергея застали пару у себя дома. Чтобы оградить сына от «пагубного влияния», отец в 2004 году переехал в Минск и забрал Сергея с собой. Вся семья перебралась в столицу лишь в 2006-м.

Минский медицинский университет стал новым испытанием. Новый город, чужие лица, ускоренный ритм жизни — всё давило, как невидимый пресс. Первые дни Сергей, лишённый друзей, проводил вечера, изучая карту Минска, как разведчик, запоминая вражескую территорию. Минск

казался ему лабиринтом, где каждый поворот таил опасность, а каждый прохожий был потенциальным врагом.

Перелом наступил, когда одноклассница передала ему записку с самым простым и нежным текстом: «Давай дружить...» Так начались его отношения с Олей. Они вместе учились, гуляли, делились мечтами. Даже когда Сергей оставил медицину ради режиссуры, их связь оставалась крепкой. Они разделили первый интимный опыт, доверяя друг другу безоговорочно, — словно строили крепость, которая должна была защитить их от бурь внешнего мира.

Но судьба, словно жестокий кукловод, приготовила ему удар. Когда Сергей уехал навестить мать в Гомель, Оля изменила ему с гитаристом. Они договаривались быть честными — но правда вскрылась лишь через месяц, явившись, как осколок стекла, из уст подруги Оли. Доверие рассыпалось, как хрупкий фарфор, — его тонкие грани разлетелись, оставив лишь пыль недоверия. Тогда Сергей пришёл в институт, где ещё училась Оля. Во время перемещения между корпусами они оказались в одном троллейбусе. Сорок минут он стоял напротив неё, молча глядя в глаза. Его взгляд был тяжёл, как свинец, а её лицо постепенно бледнело под тяжестью невысказанных слов. Наконец он развернулся и ушёл, не проронив ни звука, словно оставил за собой не просто молчание, а целую вселенную невысказанных обид.

Позже он узнал, что Оля, обсуждая ситуацию с подругами, говорила: «Лучше бы он меня тогда ударил». Но Сергей

твёрдо верил: поднимать руку на женщину — значит обнажить собственную слабость, отказаться от права говорить с миром на языке цивилизованного человека. Для него насилие было не силой, а капитуляцией перед собственной беспомощностью.

После разрыва с Олей Сергей словно закрыл дверь в мир романтических увлечений — и с головой окунулся в личностный рост. Он поступил в университет туризма, погрузился в IT, совершенствовал английский, поднимался в горы, сплавлялся на байдарках. Его жизнь превратилась в калейдоскоп испытаний и открытий, где каждый новый опыт был ступенью к самопознанию, а противоположный пол будто перестал существовать, растворившись в горизонте его новых интересов.

Но женщины, как ни странно, сами находили его. Сергей никогда не преследовал их — они врываются в его жизнь, словно волны, омывающие пустынный берег, будто его аура притягивала их, несмотря на кажущееся безразличие. И если он решал впустить их, то делал это без спешки, будто пробуя на вкус редкий, экзотический фрукт, — осторожно, почти ритуально. Так произошло и с его будущей женой — Катей.

Их знакомство случилось в лесу. Инструктор по туризму пригласил Сергея на соревнования по спортивному ориентированию, где участвовала Катя. Ночная беседа у костра, мерцание огня, тени, танцующие на лицах... В какой-то момент они оказались в отдельной палатке. Сергею было двадцать

семь, а Кате — семнадцать, и грань между дружбой и чем-то большим осталась нетронутой, как будто они договорились сохранить неприкосновенность этой хрупкой границы.

Спустя пару месяцев, когда Кате исполнилось восемнадцать, она начала искусно заманивать Сергея под предлогом «помощи в маркетинге». Он, осторожный, назначал встречи в людных местах и всегда приходил не один — словно выстраивал невидимый барьер между собой и её настойчивостью.

Однажды, когда Сергей провожал её домой она робко попросила:

— Может, в следующий раз встретимся наедине?

И он согласился. Так завязались отношения — лёгкие, как дым костра, но постепенно обретающие вес, как будто каждый их разговор откладывал в душе невидимый, но прочный слой.

Новый год стал поворотным моментом. Сергей пригласил Катю на корпоратив, который вёл в своей компании, — а после, без колебаний, привёл её в родительский дом. Это был не просто жест — это было заявление: «Вот она, моя». Словно он поставил точку в многолетнем поиске, будто наконец нашёл ту, которая могла заполнить пустоту в его душе.

С того дня Катя осталась там. Через несколько месяцев они сняли квартиру, а ещё через пару лет сыграли пышную свадьбу — торжество, которое, казалось, должно было закрепить их счастье, как бетон, залитый в форму мечты.

Первая брачная ночь обернулась неожиданным поворотом: Сергей зачал ребёнка. Он ещё не был готов к отцовству, но уступил желанию Кати — как уступал многим её просьбам, веря, что любовь преодолет всё, что любые трещины в их отношениях можно будет заделать теплом и нежностью.

Вскоре семья переехала в собственную квартиру. Но первые трещины в отношениях проявились почти сразу, как только родился сын Леонид. Катя, словно сбросив маску нежности, начала относиться к Сергею не как к любимому мужчине, а как к инструменту, как к механизму, который должен был исправно работать. Её взгляд стал холодным, а слова — острыми, как лезвия. Сергей же, оправдывая своё отсутствие в воспитании младенца, повторял: «В таком возрасте он ещё ничего не поймёт. Забота о малыше — это материнская обязанность». Он с лёгкостью уезжал в походы с друзьями, оставляя жену одну с грудным ребёнком, — будто пытался убежать от ответственности, как от тени, неотступно следующей за ним.

Годы шли, и отношения, как увядающий цветок, медленно чахли. Моменты нежности были редки, как звёзды в дождливую ночь, — они вспыхивали на мгновение, чтобы тут же погаснуть, оставляя после себя лишь горькое послевкусие разочарования.

Сергей начал топить горе в алкоголе, метался с работы на работу, пытаясь найти себя, но лишь глубже увязал в болоте отчаяния. Его дни стали чередой пустых движений, а но-

чи — бесконечным круговоротом одиночества. Катя, устав от его переменчивого настроения и отсутствия поддержки, подала на развод. Их брак, просуществовавший девять лет, рассыпался, как песочный замок под натиском волн, — быстро, безжалостно, оставляя лишь груду обломков.

2023 год стал для Сергея годом сокрушительных ударов. Апрель — развод, который вскрыл все раны, спрятанные под слоем повседневности, как гнойник, прорвавшийся после долгих лет молчания. Июль — шокирующее известие о раке, операция, оставившая шрамы не только на теле, но и в душе. Он чувствовал себя опустошённым, как поле после пожара, где даже пепел казался чужим. Одиночество окутало его густым туманом, сквозь который пробивались лишь редкие лучи работы и редких встреч.

Он работал, чтобы забыться, а в выходные топил тоску в бутылке. Так продолжалось и в 2024 году — до того сентябрьского вечера, с которого начинается наша история, — вечера, который, должен был стать поворотной точкой в его жизни, как последний луч заката, обещающий новый расцвет.

ГЛАВА 7.

НОВЫЙ ГОД

Глава 7. Новый год

*«Зависимость единственная тюрьма, где замки
находятся изнутри»
Корнелиус Плантинга*

Декабрь 2024 года выдался аномально тёплым — зима, будто забыв о своём ледяном обещании, сдалась под натиском вялого, бесснежного тепла. Вместо пушистых сугробов дети, неуклюже месившие глину, тщетно пытались придать ей форму снеговиков — их грязевики, нелепые и угловатые, напоминали искажённые отражения того, что должно было стать зимним чудом.

В один из таких бесснежных вечеров, за совместным ужином, Катя вдруг оживилась, словно луч света прорвался сквозь тучи её повседневности:

— Ты не представляешь, кто мне сегодня написал...

Сергей приподнял бровь, заинтригованный, как человек, открывающий дверь в незнакомую комнату:

— Кто?

— Оля! — выдохнула Катя, и в её голосе промелькнуло нечто детское, почти забытое — искреннее волнение. — Мы не общались с моего развода...

Оля была Катиной тенью последние пять лет — надёжной, преданной, неотделимой. Именно она примчалась тогда, когда Катя сбежала от мужа. Именно она часами слушала её

рыдания, впитывая боль, как губка. И именно она делилась с Катей самым сокровенным в те моменты, когда мир казался Кате слишком тяжёлым, чтобы нести его в одиночку. Но их дружба треснула, как тонкая фарфоровая чашка, — резко и без предупреждения.

В тот роковой день, на последнем заседании бракоразводного процесса, Оля, вместо того чтобы поддержать Катю, предпочла высмеивать её за спиной ради дружбы с Аллой. Это предательство обожгло Катю, как кислота, оставив шрам, который, казалось, никогда не затянется.

— Интересно, — протянул Сергей, медленно, будто взвешивая каждое слово. — И что? Ты хочешь с ней встретиться?

— Да, — ответила Катя, и её голос дрогнул, как робкий светлячок в ночи. В этом «да» читалось одновременно и надежда, и страх — словно она ступала на хрупкий лёд, не зная, выдержит ли он её вес.

Они встретились. И, возможно, так и должно было быть: люди, прошедшие через бурю вместе, обязаны отбросить обиды, стряхнуть пыль недопонимания и вновь протянуть друг другу руки — не потому, что забыли боль, а потому, что память о совместных испытаниях крепче обид.

После примирения Катя и Оля вновь стали неразлучны. Их дружба возродилась, как цветок, пробивающийся сквозь трещины асфальта, — хрупкий, но упрямый. Но, кажется, в этом возрождении крылась и прагматичная нота: Оля щедро

одалживала Кате деньги: то на ремонт, то на мечты, которые Сергей, измученный собственными проблемами, не мог или не хотел разделять.

Эти деньги падали в Катину жизнь, как дождь на пересохшую землю, — спасительно, но с оттенком условности. Словно Оля, протягивая купюры, одновременно протягивала и невидимую нить, связывая их судьбы новыми, более практичными узами.

Приближался Новый год. Катя, терзаемая тоской по сыну, решила на визит. Вместе с матерью она приехала к Лёве — и тот, выйдя из школы, предстал перед ней деловитым, отстранённым, чужим. Его слова обрушились, как удар хлыста: — Что ты мне можешь дать, нищесбродка?!

Унижение обожгло Катю, словно кислота на открытой ране. Она застыла, будто земля под ногами вдруг провалилась в бездну. Было ясно: бывший муж, год за годом, методично вливал в душу мальчика яд ненависти, пока Лёва не превратился в орудие чужой злобы.

Тем вечером Катя рыдала на кухне у Сергея — слёзы лились нескончаемым потоком, как вода из прорванной трубы. Сергей обнимал её, шептал:

— Катюня, потерпи. Он подрастёт и всё поймёт. Просто нужно время. Поверь мне.

Она цеплялась за его слова, как утопающий за соломинку: хрупкая, отчаянная. Между ними царила особая связь: глубокая, болезненная, сплетённая из тайн, которые они прятали от всего мира. Тёмные мысли, страхи, желания — всё, что годами томило их души, теперь выплёскивалось в молчаливом понимании.

— Ты такой же, как я... — прошептала она, и в этих словах звучала не только близость, но и безнадёжность, как шёпот ветра в заброшенном саду.

За несколько дней до Нового года Катя организовала «белую вечеринку» в компании Оли и Аллы. Они решили начать празднование в клубе «Jelsa», месте, где Катя всегда царила, как королева, окружённая восхищёнными мужчинами, словно свитой преданных рыцарей.

В тот вечер она встретила «Боксёра» — человека, чья грубоватая энергия странным образом напоминала ей бывшего мужа, будто эхо старой боли, отражённое в новом зеркале.

— Я женат, но решил развестись, — заявил он, глядя на неё без стеснения, с откровенностью, режущей, как лезвие. — Я не умею ухаживать. Могу только давать деньги.

И он доказал это, когда Катя потеряла телефон: «Боксёр» разбрасывал стодолларовые купюры, словно конфетти, обещая награду каждому, кто поможет найти пропажу. Его щед-

рость была груба и примитивна, как попытка купить восхищение. В благодарность Катя согласилась потанцевать с ним, а в финале, дерзко улыбнувшись, предложила:

— А давай поцелуемся.

Вернувшись к Сергею, Катя была абсолютно трезва — но с собой принесла бутылку любимого Prosecco и несколько бутылочек пива, как трофей, небрежно брошенный на алтарь их отношений. Она разбудила спящего Сергея и, словно ничего не произошло, начала в красках расписывать вечер, раскрашивая детали, как художник, оживляющий мёртвый холст.

Сергей слушал. Его лицо оставалось бесстрастным, как маска, но внутри бушевала буря — слова Кати врезались в него, как осколки стекла. Он молча кивнул, пожелал доброй ночи и ушёл спать, унося с собой невысказанные упреки.

На следующее утро он отправился на работу, а Катя продолжала пить — её душа, растревоженная, как разворошённый улей, гудела от боли. Вечером она отправила Сергея в Жодино — за новогодними подарками от родителей. Когда он вернулся, Катя снова была пьяна — её глаза блестели, как осколки льда, а движения стали резкими, судорожными.

Её нервы трепетали, как натянутые струны, готовые лопнуть в любой момент. Сергей, скрывая тревогу, осознавал: его собственная зависимость от алкоголя переродилась в со-зависимость — тонкую, ядовитую паутину, в которой они оба увязали, как мухи в густом меду.

За час до полуночи Катя, разморенная алкоголем, спала тяжёлым беспокойным сном. Сергей, хлопоча над праздничным столом, разбудил её за пятнадцать минут до боя курантов. Она проснулась, словно голодный зверь, вырвавшийся из клетки, и набросилась на еду — особенно её зачаровала маленькая картошка, запечённая целиком вместе с курицей, как символ простых радостей, ускользающих сквозь пальцы.

Сергей вздохнул с облегчением: когда Катя пила, не закусывая, общение с ней превращалось в пытку, как разговор с призраком, который слышит лишь собственные крики.

В первом часу ночи Катю вдруг осенило:

— О! А давай позвоним Диме!

— Звони, — согласился Сергей, смиряясь с неизбежным, как капитан, принимающий бурю.

Катя взяла его телефон, набрала номер Димы и, не спросив разрешения, пообещала, что они заедут поздравить его с Новым годом. Пока она прихорашивалась в ванной, её пальцы порхали над зеркалом, как бабочки, успевая договориться о встрече с ещё одним знакомым — в ресторане «Martinique». Выйдя из ванной, она нанесла макияж — слой за слоем, как броню, — и они отправились в путь. Сергей, хоть и сопротивлялся, уступил её настойчивости, убеждая себя, что это займёт всего пятнадцать минут, — как человек, шагающий в пропасть, но уверяющий себя, что земля всё ещё тверда.

Он высадил Катю у ресторана, а сам поехал заправлять

машину. Вернувшись, он потратил полчаса, чтобы найти место для парковки. Наконец он втиснул автомобиль в освободившееся место и вошёл в ресторан — искать Катюшу.

Вечер кружился в вихре новогодних огней — воздух, казалось, пропитался искрящимся шампанским, запахом хвои и невысказанными обещаниями. Катя, словно мотылёк, порхала возле мужчины лет пятидесяти — того самого «Лысого», который регулярно поддерживал её финансово. Лысый», уже раскрасневшийся от выпитого, оживлённо болтал со своей спутницей, изредка бросая на Катю равнодушные взгляды, как капли дождя на стекле. Но её это не останавливало: она наклонялась к нему, смеялась слишком громко, роняла колкие фразы, будто пытаясь вплести себя в канву их беседы, как нитку в разорванный узор.

— Что ты будешь? — обратился «Лысый» к Сергею.

— Чай. Зелёный, пожалуй, — ответил Сергей, сохраняя спокойствие, как скала под натиском волн.

— А знаешь, Катя очень хорошая девушка, но ей надо разобраться в себе и навести порядок в голове, — произнёс «Лысый», будто вынося приговор.

— Знаю, — коротко согласился Сергей, как человек, давно смилившийся с неизбежным.

Компания перемещалась между залом и курилкой, как маятник, качающийся между смехом и неловкими паузами. Время текло, как сироп, тягуче и медленно, пока, наконец, «Лысый» со спутницей не растворились в толпе, оставив

Сергея и Катю наедине с послевкусием недосказанности — горьким, как остывший кофе.

— Мы же собирались к Диме, — напомнил Сергей, мягко подталкивая Катю к выходу.

Она вяло кивнула, будто её тело двигалось независимо от воли, словно кукла, управляемая невидимыми нитями. Они вышли на улицу, погрузились в машину, и автомобиль, шурша шинами, устремился в сторону района «Зелёный луг», оставляя позади мерцающий, лживый блеск новогоднего вечера.

Минутами позже Катя резко выпрямилась, вцепившись в подлокотник, словно хватаясь за край обрыва:

— Останови! Немедленно! Мне... нужно припудрить носик!

Сергей, тяжело вздохнув, свернул к обочине. Но даже это не спасло ситуацию: до самого Диминого подъезда Катя ёрзала на сиденье, как птица в тесной клетке. Едва они вышли, она стремительно скрылась за деревом, оставив Сергея наедине с неловкой усмешкой — словно он был зрителем нелепого, повторяющегося спектакля.

Лестница хрущёвки встретила их скрипом ступеней, жалобным, как стон старика, уставшего от бесконечного бремени лет. Дима, распахнувший дверь, выглядел ошарашенным, будто внезапный визит был для него громом среди ясного неба:

— Ого! А я уж думал, вы не придёте!

Катя тем временем с любопытством оглядывала квартиру. Её взгляд скользил по стенам, увешанным макетами самолётов, — она изучала их, как шпион, пытающийся разгадать тайный шифр.

— А с кем ты живёшь? — спросила она, поворачиваясь к Диме.

— С папенькой, — ответил тот с тёплой улыбкой, в которой читалась безграничная нежность к отцу.

— Пойдём знакомиться! — Катя, не дожидаясь ответа, устремилась вглубь квартиры, как завоеватель, штурмующий крепость.

Проходную комнату она пересекла вихрем, сметая покой, словно торнадо. Отец Димы, укутанный в плед, пытался дремать, но Катя ворвалась в его пространство, как буря, нарушая хрупкое равновесие утра.

— Ой, а что это у вас? А почему так много самолётиков? А вы сами летаете? — её голос гремел, как колокол, безжалостно разбивая тишину.

Пожилой мужчина лишь устало улыбнулся, показал ей свою коллекцию макетов и мягко попросил не шуметь. Но Катя, подобно неукротимому пламени, не унималась — пока Дима и Сергей, переглянувшись, не вывели её в его комнату. Там она, едва коснувшись подушки, мгновенно провалилась в сон, как камень, сброшенный с высоты.

Оставшись вдвоём, Сергей и Дима опустились на краешек дивана. Сергей держал в руках чашку с остывающим чаем,

Дима — рюмку водки, мерцавшую, как крошечное, холодное солнце.

— Видишь, что творится? — начал Сергей шёпотом, будто боясь разбудить спящую Катю.

Дима кивнул. В его глазах читалось скорее сочувствие, чем осуждение.

— Катенька классная, — произнёс он, словно пытаясь защитить её, как щит, выставленный против безжалостного ветра.

— Ты не понимаешь, — Сергей сжал чашку так, что косяшки побелели. — Я люблю её. Но с каждым днём она... разваливается. Как будто тает, как сахар в кипятке. Я должен взять её под защиту. Иначе она просто исчезнет, растворится в пустоте, как дым на ветру.

Они помолчали. Сергей, измученный тяжестью невысказанных слов, поднялся:

— Пожалуй, мы поедem домой. Дима, ты не против?

Тот лишь кивнул головой, соглашаясь.

— Только помоги мне спуститься до машины. Я возьму Катюшу, а ты — мой рюкзак.

Взвалив спящую Катю на плечо, Сергей начал спуск по лестнице. Те, кто романтизируют идею «носить женщин на руках», возможно, правы. Есть что-то волшебное в том, чтобы нести даму, которая обнимает тебя за шею, доверчиво уткнувшись в плечо, — как будто вы вдвоём парите над миром.

Но нести обмякшее тело, лишённое всякого тонуса, — совсем другая история. Это как пытаться удержать в руках облако: оно скользит, теряет форму, и ты чувствуешь себя одновременно и спасителем, и пленником, потому что её беспомощность обвивает тебя, как лиана, не давая ни вырваться, ни упасть.

Приехав домой, Сергей бережно, занёс Катю в квартиру, раздел её и уложил в постель. Затем, сделав ещё пару ходок за вещами из машины, вышел на балкон. Он закурил, глядя, как последние звёзды светящего утра робко растворяются на зимнем небе.

Вернувшись, он лёг рядом с Катей, вдыхая запах её волос — запах, который всё ещё напоминал ему о том, какой она была когда-то: живой, искрящейся, не утонувшей в тумане алкоголя.

Утро первого января наступило медленно, будто само время устало от ночных безумств. Солнечные лучи, робкие и холодные, прокрались сквозь тюль, осветив лицо Кати — лицо, которое теперь казалось маской, скрывающей бездну. Сергей, глядя на неё, ощутил, как боль скручивает его сердце, как змея, обвившая ствол дерева.

— Катюня, — произнёс он тихо, — ты падаешь вниз. И мне от этого больно. Я хочу поддержать тебя, заботиться о тебе, сделать тебя счастливой.

Он сделал паузу, словно взвешивая каждое слово, как золото на старинных весах.

— Выходи за меня. Давай распишемся в ближайшие дни. Сегодня, конечно, выходной, но третьего числа ЗАГСы уже работают.

Катя не ответила. Она лишь отвернулась, потянулась к бутылке, стоявшей на краю стола, и сделала глоток — медленно, почти ритуально, будто это было единственное, что имело смысл в её мире, единственном языке, на котором она ещё могла говорить.

Спустя десять дней Катерина, будто взяв на себя роль искусного скульптора, взялась пересоздавать облик Сергея. Её энтузиазм был сродни кисти художника, который оживляет холст: она подбирала майки, джинсы, обувь, словно вкрапляя в его монохромную рутину всплески цвета. Каждый выбор сверялся с неким внутренним эталоном — тем идеалом, который она видела сквозь обыденность. Затем она привела его в парикмахерскую. Опытный мастер, покорно следуя её указаниям, преобразил привычную стрижку Сергея — убрал устаревшие линии, добавил акценты, которые вдруг сделали облик мужчины одновременно современным и... его собственным.

В тот же вечер она решила познакомить его с Олей, своей верной подругой, и это знакомство показалось Сергею долгожданным звеном перемен. Разумеется Катя, словно оберегая

сокровенную тайну, неизменно представляла Сергея окружающим друзьям, родным и знакомым исключительно как друга. Возможно, её смущала его неприметность, казавшаяся недостаточной на фоне её собственных ярких красок. Или же она просто не желала выставлять напоказ то, что считала своим личным и неприкосновенным сокровищем.

Сергей, к слову, не возражал. Он, казалось, давно смирился с ролью тени — безропотно принимал перемены, не требуя ни признания, ни места под чужим солнцем. Его существование было тихим, почти незаметным, будто он сам научился растворяться в пространстве, не нарушая чужого покоя.

Но после того, как Катя представила его Оле, в нём что-то неуловимо дрогнуло. В сдержанном взгляде, прежде лишённом блеска, робко затеплилась уверенность — будто невидимая рука сняла с его плеч тяжёлый груз. Словно кто-то наконец дал ему молчаливое разрешение быть — существовать в этом новом, ослепительно ярком мире, куда Катерина вела его шаг за шагом.

В конце января Катюша, сверкая улыбкой, объявила, что идёт в кино с Олей. Сергей, как всегда, был рядом: отвёз их в Falcon Club Cinema Boutique — модный кинотеатр с приглушённым светом и мягкими креслами, — а сам отправился

на автомойку, чтобы привести в порядок машину.

Час спустя телефон завибрировал в его кармане. На экране высветилось: «Катюня». Голос в трубке был хмельным, дрожащим, словно разбитая мелодия.

— Серёжа... — прошептала она, и в её голосе звенели слёзы. — Я так люблю тебя... Никого, кроме тебя... Забери меня отсюда, пожалуйста...

Сергей нашёл её в фойе кинотеатра — покрасневшую, с глазами, полными отчаянной мольбы. Она цеплялась за его руку, пытаясь утянуть в туалет, шептала что-то о том, как ей невыносимо быть вдали от него. Но Сергей лишь обнял её, словно хрупкую птицу, готовую в любой момент разлететься на осколки.

В этот момент из зала вышла Оля — свежая, собранная, с лёгкой улыбкой на губах. Они двинулись к выходу: Оля впереди, словно проводник в этом хаосе, Сергей — позади, осторожно поддерживая Катю, которая, казалось, вот-вот растворится в воздухе. У самого выхода Сергей, предчувствуя опасность, отпустил её руку, чтобы проверить, не скользкая ли дорога. Как вдруг Катя, оставшись без опоры, сделала шаг — и рухнула на холодную плитку, как марионетка, у которой обрезают нити. Сергей метнулся к ней, пытаясь подхватить, но не успел... Её лицо, внезапно встретившееся с твёрдой почвой, залилось кровью: рассечённая бровь, содранная щека... Но Катя, казалось, ничего не почувствовала. Алкоголь стал её анестезией, превратив боль в далёкий,

не имеющий значения шум.

Дотасив Катюню до машины, Сергей обработал раны. Катя же, словно разбушевавшийся шторм, сопротивлялась каждому его движению: махала руками, кричала и отказывалась пристёгиваться. Лишь уговоры Оли смогли немного умирить её бурю. Довезя Олю до её дома, Сергей с Катей вернулись к себе. Но это было лишь затишьем перед новой бурей.

Дома Катя, закрасив раны тальком, словно маскируя следы катастрофы, снова позвонила Оле. Её план был прост и безумен: ночной клуб. Сергей пытался её остановить — уговаривал, взывал к разуму, даже пытался шутить, чтобы разрядить обстановку. Но она была непреклонна, как айсберг, плывущий навстречу гибели. В конце концов, когда он поймал её у лифта, его сопротивление рухнуло. Он согласился отвезти её — возможно, надеясь, что это её успокоит. И снова они снова оказались у дома Оли. Та, спустившись во двор, согласилась составить Кате компанию. Девушки пообещали, что будут осторожны, а Оля заверила Сергея, что присмотрит за подругой. Он обменялся с ней номерами телефонов, убеждая себя, что теперь Катя в надёжных руках.

Ночь тянулась медленно, как резина. Сергей почти не спал, ворочаясь в постели, прислушиваясь к тишине, которая казалась ему криком. Утром он проснулся с тяжёлым чувством, набрал номер Кати — тишина. Послал сообщения в Viber — без ответа...

Примерно в одиннадцать утра телефон ожил: сообщение от Оли. «Катя в порядке, — писала она. — Она с нормальным порядочным мужчиной».

Эти слова не принесли облегчения. Сергей понимал, что бессилён что-либо изменить, и решил провести этот день с сыном.

Часа в четыре дня телефон снова зазвонил.

— Я у тебя дома, — прозвучал голос Кати, спокойный, почти равнодушный. — Приезжай.

И Сергей вернулся. Она сидела на кухне, держа в руках бутылку пива. Её рассказ лился, как река, несущая обломки разрушенных мостов: клуб... компания парней... весёлые тосты... стрельба из пневматического ружья по бутылкам с дорогим алкоголем на берегу Немиги... Потом Оля, которая, словно кукловод, усадила её в такси к какому-то Диме, а сама исчезла... Проснулась Катя уже в квартире Димы. Она не помнила, был ли между ними секс, но он, видимо, проявил заботу: принёс еду, алкоголь, долго с ней разговаривал.

— У него такие красивые глаза, — произнесла она, словно это было самым важным в её рассказе. — Когда Оля позвонила и сказала, что ты интересуешься, где я, я велела ей говорить правду.

Сергей молчал. Что тут скажешь? Прошлого не вернуть, будущее — зыбко, как песок под ногами. Он просто кивнул. С этим придётся жить...

A woman with blonde hair, wearing a short-sleeved, knee-length plaid dress, stands in a room with large windows. She is smiling and gesturing with her hands as if presenting. In front of her is a professional video camera mounted on a black tripod. In the foreground, a laptop screen displays a live feed of the woman. The room is bathed in warm, golden light from the windows, creating a professional yet intimate atmosphere. A framed picture hangs on the wall behind her.

ГЛАВА 8.

СОВМЕСТНЫЕ ПЛАНЫ

Глава 8. Совместные планы

*«Я медленно хожу, но я никогда не иду назад»
Авраам Линкольн*

Февраль 2024 года окутал Минск серым одеялом холода. Ветры, пропитанные зимней тоской, бесцеремонно врывались в щели оконных рам, а небо, казалось, слилось с асфальтом в монохромной гамме уныния. В этом городе, замершем между зимой и весной, разворачивалась своя, не менее мрачная драма.

Сергей, как всегда, был поглощён работой и контролем за ремонтом в квартире Кати. А сама Катя... Она словно растворилась в стенах его дома, проводя там дни и ночи, будто боясь столкнуться с реальностью за порогом. Офис, куда раньше она входила с высоко поднятой головой, теперь был для неё запретным местом: синяки и ссадины на лице, ещё не успевшие полностью сойти, кричали о её уязвимости, о том, что она отчаянно пыталась скрыть.

Алкоголь стал её негласным спутником. Бутылки, как молчаливые свидетели, множились на полках шкафа, а запах спирта въедался в обивку матраса, где она часто засыпала — обессиленная, опустошённая, с тенью безысходности, проступающей сквозь хрупкую маску нормальности.

Сергей, наблюдая за этим, чувствовал, как внутри него

медленно закипает отчаяние. Он пытался говорить с ней, уговаривать, взывать к здравому смыслу, но каждый раз наталкивался на стену безразличия, за которой скрывалась пустота.

И тогда он решился. В одну из пятниц, когда город тонул в сумерках, а фонари бросали тусклые круги света, Сергей набрал номер родителей Екатерины. Его голос, обычно ровный, дрожал, когда он описывал ситуацию без прикрас и без утайки.

На следующее утро, словно по волшебству, родители Кати появились на пороге дома Сергея. Для Катюши это стало громом среди ясного неба. Она, привыкшая к своей маленькой крепости, вдруг оказалась лицом к лицу с людьми, чьё беспокойство читалось в каждой морщинке. Сергей же, мастерски сыграв роль стороннего наблюдателя, незаметно испарился, сославшись на неотложные дела с сыном. Но втайне он ждал, затаив дыхание, надеясь, что этот визит станет поворотным моментом.

Вскоре телефон завибрировал. Отец Кати, голос которого звучал непривычно твёрдо, сообщил, что разговор состоялся — и Катя «всё поняла». И действительно, на какое-то время алкоголь отступил. Три недели — три драгоценных, хрупких недели, когда Катя не прикасалась к спиртному. Сергей, как ребёнок, радовался каждому дню, словно маленькому чуду, будто каждый рассвет был обещанием, которое ещё можно сдержать. Но затем, как неизбежный прилив, снова наступал

срыв: опять на два-три дня. И в эти дни Сергей разрывался между надеждой и отчаянием. Рациональный голос подсказывал ему, что пора уходить, пока не поздно. Но сердце, упрямое и слепое, твердило: «Она изменится. Я должен помочь ей».

Сам прошедший через ад алкогольной зависимости, он верил в её силу — в её способность восстать из пепла. Он видел в ней не сломанную женщину, а ту, кого ещё можно спасти. И он жаждал сделать её счастливой — той, которая заслуживала любви и заботы после всего, что ей пришлось пережить. Материального благополучия, сравнимого с её прежним статусом, он пока предложить ей не мог. Но он дарил ей нечто куда более ценное — своё внимание, тепло и неустанную поддержку. Катя чувствовала это, даже когда трезвая часть её души молчала, как будто впитывая свет сквозь толщу мрака.

Однажды, когда февраль, казалось, уже исчерпал запас своих холодов, Катя, оживившись, обратилась к Сергею:

— Слушай, у меня закончился абонемент в спортзал. Давай купим нам новые? Сейчас как раз акция, до конца февраля. Будем вместе ходить, заниматься. Одна я буду лениться, а с тобой нет — ты меня будешь подталкивать!

Сергей, не раздумывая, согласился. «Спорт и алкоголь несовместимы», — размышлял он, словно убеждая самого себя. К тому же, ему и самому не мешало сбросить пару килограммов.

Их первые шаги в мире фитнеса стали своеобразным ритуалом. «Зумба» — танцевальная аэробика, которая взрывала зал ритмами, заставила Сергея забыть о повседневных заботах. «Движ», как он шутливо называл этот танец, пробудил в нём давно забытую лёгкость — словно тело, закованное в броню рутины, вдруг обрело крылья. Затем пришла очередь силовой тренировки. Катюша, с энтузиазмом, достойным лучшего применения, втянула его в мир разборных штанг и гантелей. После этого занятия Сергей, словно заново рождённый, неделю проковылял, чувствуя, как мышцы, переполненные молочной кислотой, протестуют против такого обращения. Были и велотренажёры, и обычные занятия в зале. Каждый поход в спортклуб становился островком радости в их будничной рутине — яркими вспышками света, которые ненадолго разгоняли серость их совместного быта.

Но тень финансовых проблем всё ещё нависала над ними, как грозовая туча. Катя, поглощённая ремонтом, тратила деньги с безрассудной щедростью. Часть средств поступало от её родителей, часть — в виде займов от её подруги Оли. Долги росли, как снежный ком, угрожая поглотить их хрупкое равновесие. Конфликты вспыхивали всё чаще — мелкие, но болезненные, как уколы игл. Однажды, в один из таких споров, Катя, уже слегка захмелевшая, сорвалась с места и исчезла. Сергей бросился вслед, но она, словно призрак, растворилась в лабиринте дворов. Он оббежал район, ища её, но ответом была лишь тишина, нарушаемая редким скрипом

обледенелых деревьев, будто сама зима насмеялась над его тревогой. Измученный и встревоженный, он позвонил Оле. Объяснив ситуацию, осторожно поинтересовался:

— Кстати, а сколько тебе Катя должна?

— Нисколько, — солгала Оля. Её голос звучал неестественно бодро, словно она пыталась защитить подругу, не понимая, что лишь усугубляет ситуацию.

Спустя час Катя, словно раскаявшийся ангел, вернулась домой. Оля, связавшись с ней, передала просьбу Сергея. Примирение, как и всегда, закончилось в объятиях — тёплых, как обещание нового начала.

Но судьба, словно проверяя их на прочность, приготовила новое испытание: испытание водой, которое обнажило истинную сущность каждого. Всё началось с безобидного шага: Сергей снял очередной радиатор в квартире Кати, чтобы покрасить стену за ним. Но в этот же день сантехник дома, действуя по своему разумению, открыл все перекрытые краны. Последствия были неизбежны: пострадали и квартира Кати, и жилище этажом ниже. Обе квартиры были застрахованы, но страховая компания, опираясь на документы обслуживающей организации (которая пыталась переложить вину на Катю), намеревалась взыскать ущерб с владелицы квартиры — Катиной мамы. Катя и её мать, казалось, смирились с поражением. Они опустили руки, решив, что им придётся компенсировать весь ущерб. Их безразличие к ситуации было столь же пугающим, сколь и безысходным — будто они уже

давно утратили веру в возможность борьбы.

Но Сергей не сдался. Он собрал встречные документы, скрупулёзно изучил законы и пояснения к ним, регулирующие подобные казусы, сделал фотофиксацию повреждений. Его упорство было сродни работе часовщика, который по крупицам собирает сломанный механизм. В итоге страховая компания сама компенсировала ущерб пострадавшей квартире, а требование о взыскании с Кати и её матери отозвала. Эта победа, скромная на первый взгляд, стала для Сергея символом того, что даже в хаосе можно найти порядок — если не опускать руки.

Ремонт, как казалось Сергею и Кате, длился вечность. То Катя придумывала новые заморочки и идеи, то необходимость замены ламината после затопления добавляла задач. Но задачу нужно было завершить, и Сергей на каждом этапе старался успокоить Катерину:

— Пойми, ты же, по сути, переделываешь абсолютно всю квартиру.

— А началось всё просто с идеи перекрасить стенку! — жаловалась Катя, её голос звучал устало, почти обречённо.

— Ну так бывает, ничего, — поддерживал он, стараясь не выдать раздражения.

— Я уже совсем не хочу всего этого. Не с тем человеком

начала я ремонт, — ныла Катюша, и её слова резали его, как бритва.

Эта её «девичья» реакция на, казалось бы, незначительные трудности выматывала Сергея.

Чуть позже, в одном из долгих разговоров, у них родилась идея, которая показалась обоим спасительной: сдать отремонтированную квартиру. Логика была проста: Катя уже жила у Сергея, трёх комнат и шкафов хватало для её вещей. Доходы от сдачи квартиры могли покрыть часть её личных нужд — и это, возможно, стабилизировало бы её шаткое финансовое положение. Мама Кати без промедления подготовила доверенности, передавая дочери полное право распоряжаться квартирой. Ремонт медленно, но верно приближался к завершению — словно корабль, который, несмотря на штормы, всё же полз к горизонту.

Однако ближе к маю финансовые тучи над Катей сгустились до непроницаемой тьмы. Её зарплата в салоне дверей была жалкой каплей в море растущих долгов за ремонт. Вместо того чтобы искать выход, Катя вдруг загорелась новой идеей — отправиться в Объединённые Арабские Эмираты.

— Я там никогда не была и всю жизнь мечтала! — восклицала она, и её глаза загорались, как звёзды в безоблачной ночи.

Сергей, сидя напротив, сжимал в руках чашку остывшего чая, будто это был спасательный круг.

— Катюня, — начал он мягко, — на это пока нет средств.

— А я с Олей поеду! Она одолжит мне деньги, — парировала Катя, словно не слыша его.

— Опять долги? — вздохнул Сергей, чувствуя, как тяжесть оседает в груди.

— Ну, до 10 000 долларов она всегда мне даст! — отмахнулась Катя, будто речь шла о пустяке.

— Катюня, это придётся когда-то отдавать, — попытался он достучаться до разума.

— Я очень хочу! Рассчитаюсь со сдачи квартиры, — отрезала она, и в её голосе прорезалась упрямая нотка, словно она возводила стену между собой и реальностью.

— Делай как знаешь, — сдался Сергей, ощущая, как внутри разливается горечь.

Он видел перед собой не взрослую женщину, а беспечную девочку, швыряющую деньги, как лепестки цветов в бурный поток. Для неё сиюминутное желание было важнее финансовой стабильности, важнее будущего. Но он решил не спорить — возможно, этот урок она должна была пройти сама.

Несколько дней спустя Сергей, размышляя, как подтолкнуть Катю к более надёжным планам, написал ей сообщение: «У меня появилась отличная идея — обсудим вечером». В ответ пришло короткое, почти испуганное: «Боюсь я твоих идей». Вечером, за ужином, Сергей заговорил мягко, тщательно подбирая слова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.